

МОНИТОРИНГ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В КАЗАХСТАНЕ

УДК 070
ББК 76.01
Қ 18

© МЦЖ Medianet, 2017
Составитель и редактор: Павел Банников
Редактор: Жулдыз Абдильда
Корректор: Светлана Амирова
Дизайн: Анастасия Артюхова

ISBN 978-601-06-4729-9

Мониторинг языка вражды в социальных сетях в Казахстане/
Сост. П.Банников. – Алматы: МЦЖ Medianet, 2017. 80 с. – каз., рус.

Данное издание представляет материалы мониторинга и экспертного анализа использования языка вражды в публикациях лидеров мнений казахстанского сегмента социальной сети Facebook в период с мая по октябрь 2017 года. Издание подготовлено и выпущено при поддержке Офиса Фонда Конрада Аденауэра (Konrad Adenauer Stiftung) в Казахстане.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Этнические и религиозные группы как объект языка вражды в Фейсбуке Серик Бейсембаев	11
Лингвистическая экспертиза по статьям 174 и 256 УК РК. Вызовы для эксперта. Проблемы методологии Рахилия Карымсакова	21
Дискурсивное конструирование языковой идентичности в медиа: Анализ языка вражды в казахстанской блогосфере Жулдыз Смагулова, Дина Кучербаева, Аида Жумырова	47
Особенности лексики вражды на казахском языке, основанные на мониторинге лидеров мнений 2017 года Алмагуль Алтаева	55
Заключение	65
Список ключевых слов	67
Биографии авторов	69

ВВЕДЕНИЕ

Мониторинг использования языка вражды в казахстанском сегменте сети Facebook проводился в период с мая по октябрь 2017 года. В качестве материала для исследования нами были отобраны страницы 20 трендсеттеров (лидеров мнений) казахстанского сегмента этой социальной сети.

Facebook был выбран нами по ряду причин. Во-первых, именно в этой социальной сети наиболее активны казахстанские медиа, а также чиновники различного уровня. Во-вторых, контент, публикуемый именно в Facebook, часто становится новостным поводом как для местных, так и для республиканских медиа, и многие публичные заявления официальных лиц впервые публикуются также в этой сети. Контент, публикуемый в других социальных сетях, в гораздо меньшей степени влияет на казахстанское общество или не влияет вовсе, несмотря на более активное (численно) присутствие в них казахстанских пользователей. Так, количество казахстанских пользователей ВКонтакте превышает число таковых в Facebook более, чем в два раза (43% против 19% по данным исследования «АСТ Казахстан» 16 февраля – 16 марта 2017 года). Но именно Facebook регулярно становится источником новостей и является полем для публичного высказывания и общественного обсуждения как наиболее острых проблем казахстанского общества, так и политического дискурса в целом.

5

При отборе трендсеттеров нами учитывались следующие характеристики:

- количество подписчиков;
- активность при обсуждении социальных вопросов;
- частота попадания имени лидера мнений в публикации СМИ в качестве источника новостей, эксперта или в ином качестве.

С учётом этих критериев был составлен следующий список лидеров мнений (в алфавитном порядке):

1. Мурат Абенов
2. Нуртас Адамбай
3. Алишер Еликбаев
4. Расул Жумалы
5. Қазбек Иса
6. Кайрат Кудайберген

7. Айдан Карибжанов
8. Әміржан Қосанов
9. Айсұлтан Назарбаев
10. Саясат Нурбек
11. Сәкен Майғазиев
12. Айгүл Орынбек
13. Ержан Рашев
14. Аружан Саин
15. Айдос Сарым
16. Досым Сатпаев
17. Мухтар Тайжан
18. Мұхамеджан Тазабеков
19. Александр Цой
20. Әмір Шыныбекұлы

Мониторинг проводился в три этапа. На первом этапе нами был проведён машинный мониторинг по ключевым словам (представлены в приложении) на русском и казахском языках. Для мониторинга было использовано ПО компании Brand Analytics, по ключевым словам отслеживались открытые посты и открытые комментарии трендсеттеров, а также комментарии других пользователей к открытым публикациям трендсеттеров. Закрытые публикации и комментарии были исключены из результатов мониторинга как не подходящие под определение публичного высказывания или публичного комментария. По итогам машинного мониторинга было отобрано 7759 публикаций.

На втором этапе результаты машинного мониторинга отсеивались вручную с целью исключить ошибки робота и распределить отобранные посты и комментарии. Было отобрано 128 текстов для последующего подробного анализа.

На третьем этапе результаты мониторинга, как полные, так и обработанные, были предоставлены для анализа специалистам (филологам и социологам). В качестве методологической базы для оценки результатов мониторинга мы предложили экспертам шкалу языка вражды, разработанную Информационно-аналитическим центром «Сова». www.sova-center.ru. Центр «Сова» ведёт свою деятельность с 2002 года. За этот период Центром проведено несколько десятков мониторингов языка вражды и выпущен ряд исследований и методологических публикаций, касающихся языка вражды. Специалисты «Совы» выделяют 17 видов языка вражды, на которые мы опираемся при оценке результатов мониторинга. Нами были внесены поправки с учётом локальных реалий и полученных данных.

Типы языка вражды (по методологии Центра «Сова» с дополнениями):

1. Призывы к насилию (то есть в связи с конкретной ситуацией, с указанием объекта насилия; провозглашение насилия допустимым средством в своих статьях, документах и т.п., в том числе и в виде абстрактных призывов типа «Бей жидов!»).
2. Призывы к дискриминации, в том числе в виде общих лозунгов.
3. Завуалированные призывы к насилию и дискриминации (пропаганда «позитивных», исторических или современных примеров насилия или дискриминации; выражения типа «хорошо бы сделать с теми-то то-то и то-то», «давно пора ...» и т.п.).
4. Создание негативного образа этнической или религиозной группы, переданное тоном текста или фрагмента текста.
5. Оправдание исторических случаев насилия и дискриминации.
6. Публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации (например, масштабы Холокоста).
7. Утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как таковой (идеи типа «азербайджанцы только на рынке работают», «казахи туповаты», «русские алкаши»).
8. Утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой (типа «мусульмане всегда распространяли свою веру огнем и мечом»)
9. Утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы (например, «цыгане – воры»)
10. Утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы (Центр «Сова» предлагает отличать этот пункт от утверждения культурной или интеллектуальной неполноценности).
11. Рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.
12. Обвинения в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство.
13. Упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте (в том числе в уголовной хронике или просто при упоминании)

нии этнонима).

14. Призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе (например, призывы к дискриминации салафитов, иеговистов, других религиозных групп).
15. Цитирование явно ксенофобских высказываний и текстов без комментария, определяющего размежевание между позицией интервьюируемого и позицией журналиста.
16. Обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии (в буквальном смысле, в отличие от призывов не допустить закрепления в регионе).
17. Отрицание гражданства (то есть упоминание граждан нетитульного этноса как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации, языка или религии).

Эти виды предлагается разделять по степени жесткости:

ЖЕСТКИЙ:

- призывы к насилию,
- призывы к дискриминации,
- завуалированные призывы к насилию и дискриминации,
- призывы не допустить закрепления в регионе.

СРЕДНИЙ:

- оправдание исторических случаев насилия и дискриминации,
- публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации,
- утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой,
- утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы,
- рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы,
- обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство,
- обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии,
- отрицание гражданства.

МЯГКИЙ:

- создание негативного образа этнической или религиозной группы,
- утверждения о неполноценности той или иной этнической или религиозной группы как таковой,
- утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы,
- упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте,
- цитирование явно ксенофобских высказываний и текстов без комментария.

Результаты мониторинга и экспертного анализа представлены вниманию читателя в данном сборнике.

ЭТНИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ГРУППЫ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В ФЕЙСБУКЕ

■ СЕРИК БЕЙСЕМБАЕВ

Язык вражды – это концепт, охватывающий широкий спектр дискриминирующей, антагонистической, нетолерантной речи, встречающейся в отношении отдельных социальных групп, чаще всего меньшинств.

В условиях бурного развития интернет-технологий, а также общей смартфонизации «цена» языка вражды значительно возросла. Теперь это уже не просто проявление недоброжелательных намерений, убеждений отдельно взятых людей, но и важный фактор социальной жизни. Как показывает опыт некоторых стран, однажды опубликованный текст, содержащий язык вражды, может иметь непредсказуемые последствия, вплоть до открытых проявлений ненависти в реальной жизни.

В настоящей работе представлен контент-анализ результатов мониторинга языка вражды в социальной сети Фейсбук, проведенный международным центром журналистики Medianet.

В фокусе анализа – публикации, объектом вражды в которых так или иначе выступают этнические или религиозные группы. Основной исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: каковы главные характеристики языка вражды, объектом которого выступают этнические или религиозные общности? Какие нужно предпринять шаги, чтобы содействовать снижению их негативного социального эффекта?

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

По итогам контент-анализа из 128 постов, отмеченных представителями Медианет в качестве примеров языка вражды, было отобрано 44 материала. Это посты и комментарии, которые написаны 8 популярными авторами казахстанского сегмента Фейсбука в период с мая по октябрь 2017 года. 30 из них опубликованы на казахском, а оставшиеся 14 на русском языке.

При отборе публикаций учитывалась типология языка вражды, разработанная российским информационно-аналитическим центром «Сова», которая учитывает направленность и степень «жесткости» публикаций.

Всего по результатам контент-анализа получилось 7 разновидностей языка вражды, которые условно можно разделить на «мягкую» и «жесткую» дискриминацию этнической или религиозной общности.

«Мягкая» дискриминация

- Создание негативного образа этнической или религиозной группы, переданное тоном текста или фрагмента текста;
- противопоставление разных групп общества друг другу, подчеркивание различий между этническими, языковыми и иными сообществами;
- упоминание собственной этнической, языковой или иной группы в уничижительном тоне;
- упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте (в том числе в уголовной хронике или просто при упоминании этнонима).

«Жесткая» дискриминация

- Приписывание другому человеку (чаще всего публичной персоне) отрицательных черт, противоречащих или угрожающих интересам широкой общественности (предатель, Гитлер, салафит и т.д.);
- призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе (например, призывы к дискриминации салафитов, иеговистов, других религиозных групп);
- завуалированные призывы к насилию и дискриминации (пропаганда «позитивных», исторических или современных примеров насилия или дискриминации; выражения типа «хорошо бы сделать с теми-то то-то и то-то», «давно пора» и т.п.).

«МЯГКАЯ» ДИСКРИМИНАЦИЯ

Большинство публикаций, содержащих язык вражды, можно отнести к «мягким» способам дискриминации этнической или религиозной группы (32 из 44 публикаций).

Наиболее распространенная разновидность – это **создание негативного образа этнической или религиозной группы, переданное тоном текста или фрагментом текста** (14 публикаций, 8 из которых

на казахском, а 6 на русском языке). Главным образом, речь идет об упоминании представителей той или иной общины в привязке к обсуждаемым ситуациям либо событию.

Сразу несколько публикаций были посвящены созданию негативного образа индийцев и китайцев, приезжающих в Казахстан на работу. Прямого призыва их дискриминировать не было, однако, тон публикации оправдывал враждебное отношение к иностранным рабочим в целом. Ожидаемо, что эти посты появились после резонансного конфликта между рабочими на строительной площадке «Абу-Даби плаза» в Астане.

Ключевой особенностью этого типа языка вражды является то, что его трудно распознать с первого раза. Тексты здесь как бы носят нейтральный характер, а само упоминание этнических групп, пусть даже с обидными прозвищами и эпитетами, легко вписывается в привычные в бытовой речи обороты. Например, «қара қытай» («черный китаец»), «орыс қатын» («русская баба»), «дурак-турок», «өзге ұлт келімсектері» («пришлые другой национальности») и др.

Таблица 1. «Мягкие» формы дискриминации

Категория	Общее количество публикаций	Из них:	
		на казахском	на русском
Создание негативного образа этнической или религиозной группы, переданное тоном текста или фрагмента текста	14	8	6
Противопоставление разных групп общества друг другу, подчеркивание различий между этническими, языковыми и иными сообществами	13	9	4
Упоминание собственной этнической, языковой или иной группы в уничижительном тоне	4	1	3
Упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте (в том числе в уголовной хронике или просто при упоминании этнонима)	1	1	-
Итого	32	19	13

Следующий распространенный тип языка вражды – это **противопоставление разных социальных групп друг другу и подчеркивание конфликтных различий между этническими, языковыми и иными сообществами**. Контент-анализ выявил 13 публикаций с характерными признаками.

Наиболее частое противопоставление происходит по языковому признаку. Объект вражды – граждане РК, не знающие казахского языка. Тональность текстов варьирует от сочувствующей («*Русскоязычным неказахам ещё меньше выбора. Надо становиться казахами... Себе дороже будет*».) до обвинительно-угрожающей («*Қазақ тілін менсінбейтін, елемейтіндердің дәурені бітті*» – «Закончилось время тех, кто не уважает и игнорирует казахский язык»). Основной посыл заключается в том, что незнание казахского языка имеет или будет иметь негативные последствия, поэтому лучше сейчас озаботиться его изучением. Такой вид ЯВ более характерен для казахоязычных авторов.

Среди русскоязычных авторов замечен антагонизм в отношении таких групп, как «традиционалисты-националисты», а также «ватники». Определяя указанные группы в качестве «проблемных», авторы пытаются рассказать о существующих в обществе острых вопросах (например, нетерпимость, непатриотичность). Однако эти благие пожелания оборачиваются преумножением токсичного нарратива в онлайн-среде и появлением еще одного «воображаемого» врага в глазах пользователей соцсетей.

14 |

По сравнению с первыми двумя категориями, гораздо реже встречается **упоминание собственной этнической, языковой или иной группы в уничижительном тоне (4 публикации)**. Главное отличие этого типа языка вражды в том, что его объектом становится не «другая», а «собственная» группа. Типичный пример – это сокрушения авторов по поводу нелюбимых, неприемлемых черт своего народа – «*неткен бишара елміз*» (что мы за беспомощный народ). Спекуляции на эту тему пользуются большим спросом у аудитории. Пост одного автора, описавшего своих сограждан «угрюмыми и недовольными» («наша национальная черта – вечно недовольное табло») набрал около 2 000 лайков.

И наконец, последний в этой группе тип языка вражды – это **упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей в уничижительном или оскорбительном контексте**. В эту категорию занесена только одна публикация, где объектом вражды выступают граждане, говорящие на русском языке.

«ЖЕСТКАЯ» ДИСКРИМИНАЦИЯ

В эту группу включены три типа языка вражды, содержание которых отличается высокой агрессивностью либо присутствует явная или скрытая поддержка насилия в отношении этнической или религиозной группы.

Приписывание другому человеку (чаще всего публичной персоне) крайне отрицательных черт, противоречащих или угрожающих интересам широкой общественности – наиболее часто встречающаяся здесь разновидность языка вражды. Всего, по итогам анализа, к этой категории можно отнести 8 публикаций. Примечательно, что 7 из них написаны на казахском языке.

Объектами травли в этом случае стали представители органов власти, СМИ, общественные деятели и рядовые граждане. Практически все обвинения звучат не в качестве личных претензий, а представляются авторами как попытка защитить общество от несправедливости, угрозы или обмана. Т.е. происходит демонизация персоны в глазах аудитории и идет призыв к враждебности в отношении этого человека.

Тексты, относящиеся к этой категории, написаны крайне эмоциональным языком и перегружены «токсичными» речевыми оборотами. Например, один блогер обвиняет известную в казахскоязычной среде фигуру в том, что он является последователем ваххабизма и необходимо не допустить его появления на национальном телевидении. Этот же автор критикует представителя парламента за его высказывания о сельской молодежи, используя при этом уничижительные эпитеты и аналогии («Тәтенін тыр-тыр қасып ұйықтап жатқан депутат Божко бүгін оянып не деп маңыраған»).

Призывы не допустить закрепления в стране или регионе – тексты этой категории были посвящены инциденту, произошедшему на «Абу-Даби плаза». Обращение идет к представителям власти, которые в связи со случившимся должны депортировать из страны рабочих-индийцев. Этот пост оказался крайне популярным и набрал 2,3 тысячи лайков.

По итогам контент-анализа только один пост может быть записан как **завуалированный призыв к насилию**. Поводом для него также послужил конфликт между казахскими и индийскими рабочими в Астане. Автор поста выражает поддержку насильственным действиям по отношению к рабочим из Индии.

Таблица 2. «Жесткие» формы дискриминации

Категория	Общее количество публикаций	Из них:	
		на казахском	на русском
Приписывание другому человеку (чаще всего публичной персоне) отрицательных черт, противоречащих или угрожающих интересам широкой общественности (предатель, Гитлер, салафит и т.д.)	8	7	1
Призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т.д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе (например, призывы к дискриминации салафитов, иеговистов, других религиозных групп)	3	3	-
Завуалированные призывы к насилию и дискриминации (пропаганда «позитивных», исторических или современных примеров насилия или дискриминации; выражения типа «хорошо бы сделать с теми-то то-то и то-то», «давно пора ...» и т.п.)	1	1	-
Итого	12	11	1

НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

В целом проведенный анализ не выявил широкой распространенности среди популярных авторов Фейсбука языка вражды. 44 публикации из нескольких тысяч, попавших в мониторинг, – это не так много. По всей видимости, общественная популярность накладывает определенные репутационные обязательства на пользователей соцсетей. За исключением одного-двух одиозных авторов, практически все объекты мониторинга стараются придерживаться этикета и не позволяют себе явных дискриминирующих высказываний.

Однако явное преобладание в выборке «мягкой» дискриминации вместо «жесткой» не может быть причиной для спокойствия. Тиражируя даже безобидные на первый взгляд этнические стереотипы и клише,

лидеры мнений запускают маховик ксенофобии в социальных сетях, который уже не остановить. Показательно, что уже в первой десятке комментариев появляется явное дискриминирующее высказывание в адрес обозначенной этнической или религиозной группы, хотя сам автор, возможно, высказался довольно корректно.

Очевидно, что в онлайн-среде уже произошла определенная «нормализация» языка вражды в адрес отдельных этнических групп. Чаще всего это этнические меньшинства в стране или ближайшие соседи, уже одно упоминание которых обуславливает появление целого ряда негативных стереотипов в комментариях. Такая ситуация является отражением более широкого социального процесса, связанного с этнизацией сознания и укреплением ксенофобских установок на фоне некоторых политических событий (например, Земельные митинги 2016 года).

С некоторыми оговорками можно отметить сравнительно большую распространенность в казахоязычном сегменте Фейсбука «жесткого» языка вражды, предполагающего явную этническую или религиозную дискриминацию. Практически все посты, содержащие агрессию по отношению к публичным персонам, а также призывы к насильственным действиям были опубликованы казахоязычными авторами. Показательно, что в лице отдельных социальных групп уже сложился четкий образ врага. Это, главным образом, казахи, не говорящие на казахском («орысқұлдар»), китайцы («қара қытай қаптаса...») и салафиты. Воспроизводство токсичного нарратива в адрес указанных категорий уже стало мейнстримом, воспринимаемым как естественный порядок вещей.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Язык вражды является комплексным понятием, сложно поддающимся концептуальному осмыслению в качестве социального, психологического или лингвистического феномена, проявляющего себя в виде текста, изображения, речи или другой форме.

Если же исходить из целей публичной политики, то здесь ставится более практическая задача по предупреждению языка вражды в СМИ и социальных сетях, снижения его негативного эффекта и выработки альтернативного нарратива и т.п. Исходя из этого понимания работы с языком вражды, можно рекомендовать следующее.

Во-первых, очень важно разработать релевантную методологию распознавания и фиксации языка вражды в СМИ и социальных сетях с учетом казахстанского культурного контекста. Для этого необходима предварительная комплексная исследовательская работа на основе

количественных и качественных методов исследования. После первичной апробации методологии и подтверждения ее релевантности рекомендуется осуществлять регулярный мониторинг соцсетей и СМИ с открытой публикацией полученных результатов.

Во-вторых, язык вражды возникает зачастую от непонимания негативных последствий дискриминационных высказываний, тиражирования ксенофобии и нетерпимости в отношении отдельных групп населения. Поэтому очень важно повышать осведомленность пользователей о наличии прямой связи между hate speech и hate crime. Особенно лидеры мнения должны четко осознавать свою ответственность за разрастание в обществе неравенства или вражды по этническому или религиозному признаку.

В-третьих, усилия по профилактике и противодействию языку вражды в социальных сетях должны быть институционализированы. Речь идет о самоорганизации субъектов гражданского общества (НПО, СМИ, активисты, волонтеры и др.) для совместной работы в данном направлении. Немаловажное значение имеет сотрудничество с международными организациями, имеющими опыт изучения проблемы языка вражды и выработки рекомендаций (Совет Европы, ЮНЕСКО).

18 |

В-четвертых, особое значение имеет акцент на казахоязычном сегменте Фейсбука и других социальных сетей, где уровень ксенофобских высказываний заметно выше. Здесь требуется комплекс мер, направленный на повышение культуры медиапотребления и уровня терпимости по отношению к различным меньшинствам (особенно религиозным). В частности, желательно провести специальные тренинги для популярных авторов, чтобы они умели нейтрализовать на своих ветках токсичные обсуждения и направлять дискуссию в конструктивное русло.

В-пятых, чрезвычайно важное значение имеет выработка альтернативных нарративов в отношении дискриминируемых и демонизируемых групп, чтобы рассеять существующие по отношению к ним общественные предубеждения и страхи. Это, в первую очередь, касается граждан Китая, иностранных рабочих и практикующих мусульман, которые стали на сегодняшний день основными объектами языка вражды в социальных сетях.

ЛИТЕРАТУРА:

Backgrounds, Experiences and Responses to Online Hate Speech: A Comparative Cross-Country Analysis, http://www.unicri.it/special_topics/hate_crimes/Backgrounds_Experiences_and_Responses_to_Online_Hate_Speech_A_Comparative_Cross-Country_Analysis.pdf

Mapping and analyzing hate speech online: Opportunities and Challenges for Ethiopia, <http://pcmlp.socleg.ox.ac.uk/wp-content/uploads/2014/12/Ethiopia-hate-speech.pdf>

Islamophobia on Social Media: A Qualitative Analysis of the Facebook's Walls of Hate, Imran Awan¹ Birmingham City University, United Kingdom, <http://www.cybercrimejournal.com/ImranAwanvol10issue1IJCC2016.pdf>

■ РАХИЛЯ КАРЫМСАКОВА

Язык Вражды: виды и степень жесткости

Анекдот: Два гражданина России – Степан Михайлов и Ахмет Аванесов – подрались из-за места на бесплатной парковке. Вопрос: кто из них получил 100 рублей штрафа за мелкое хулиганство, а кто – 5 лет колонии за разжигание межнациональной вражды?

Этот анекдот предлагается мной студентам-журналистам при изучении спецкурса «Лингвистическая безопасность медиатекста». В своих ответах студенты обычно сходятся во мнении относительно субъектов указанных правонарушений. Описывая предполагаемую коммуникативную ситуацию, речевое поведение участников конфликта, студенты характеризуют тональность общения (недружественная, агрессивная, враждебная), цель, средства общения и т.д. Устанавливаемые студентами (исходя из их фоновых знаний, усвоенных этностереотипов, стандартов поведения) языковые средства общения полностью соотносятся с Языком Вражды, под которым предлагается понимать «всю совокупность текстов (а также заголовков, фотографий и иных элементов) СМИ, прямо или косвенно способствующих национальной или религиозной вражде или хотя бы неприязни» (1, стр. 4).

Понятие «язык вражды» широко используется в риторике различных организаций, защищающих права национальных, религиозных и других меньшинств. В настоящее время это понятие стало интегральным для слов с негативным модусом, выражающих в тексте отрицательное отношение говорящего к оппоненту – носителю иной системы национально-культурных, религиозных ценностей, политических взглядов, поведенческих установок и т.п. (9, стр. 122).

В современных исследованиях по Языку Вражды в медиатекстах специалисты опираются на такие основные его характеристики, как виды и объекты, классификация которых была разработана в рамках проекта «Язык вражды в российских СМИ: мониторинг и общественные действия» (2001–2002 гг.). Приведем указанные в этой классификации виды Языка Вражды, дополненные в рамках данного проекта Medianet двумя последними типами.

- Прямые и непосредственные призывы к насилию.
- Призывы к насилию в виде общих лозунгов.

- Прямые и непосредственные призывы к дискриминации.
- Призывы к дискриминации в виде общих лозунгов.
- Завуалированные призывы к насилию и дискриминации.
- Создание негативного образа этнической или религиозной группы
- Оправдание исторических случаев насилия и дискриминации.
- Публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации.
- Упоминание названия этнической или религиозной группы в уничижительном контексте.
- Утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как таковой.
- Утверждения исторических преступлений той или иной этнической или религиозной группы как таковой.
- Указание, с целью дискредитации, на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами.
- Утверждение криминальности той или иной этнической или религиозной группы.
- Утверждение моральных недостатков той или иной этнической или религиозной группы.
- Рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.
- Обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности» и т.п.).
- Упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте.
- Призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т. д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе.
- Цитирование без должного комментария соответствующих высказываний и текстов.
- Обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии (в буквальном смысле, в отличие от призывов не допустить закрепления в регионе).
- Отрицание гражданства, то есть упоминание граждан нетитульного этноса как иностранцев в зависимости от их этнической идентифика-

ции, языка или религии.

С указанными видами Языка Вражды коррелируют типы высказываний, рекомендованные Генеральной прокуратурой РФ как высказывания, направленные на возбуждение ненависти и вражды (2, стр. 3–4).

Язык Вражды реализуется не только в разных видах (формах), но и с разной степенью проявления вражды. В связи с этим фактором Язык Вражды классифицируется по степени его жесткости; при этом жесткость реального воздействия обусловлена как самим видом Языка Вражды, так и его интенсивностью, выразительностью в каждом конкретном случае.

Предлагаются следующие три категории жесткости видов Языка Вражды.

ЖЕСТКИЙ ЯЗЫК ВРАЖДЫ включает:

- *прямые и непосредственные призывы к насилию;*
- *призывы к насилию в виде общих лозунгов;*
- *прямые и непосредственные призывы к дискриминации;*
- *призывы к дискриминации в виде общих лозунгов;*
- *завуалированные призывы к насилию и дискриминации.*

23

Эта категория Языка Вражды **должна быть запрещена**, поскольку международное уголовное право и часть 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) требуют от государств запретить эти жесткие формы Языка Вражды, в том числе посредством уголовных, гражданских и административных мер.

СРЕДНИЙ ЯЗЫК ВРАЖДЫ включает:

- *оправдание исторических случаев насилия и дискриминации;*
- *публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации;*
- *утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой;*
- *указание, с целью дискредитации, на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами;*
- *утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы;*
- *рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.;*
- *обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или*

религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности» и т.п.);

– призывы не допустить закрепления в регионе (районе, городе и т. д.) мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе.

Это категория Языка Вражды, которая **может быть запрещена**. Государство может запретить эти формы Языка Вражды при условии, что они соответствуют требованиям части 3 статьи 19 МПГПП.

МЯГКИЙ ЯЗЫК ВРАЖДЫ включает:

– создание негативного образа этнической или религиозной группы;

– упоминание названия этнической или религиозной группы в уничижительном контексте;

– утверждения о неполноценности (недостаток культурности, интеллектуальных способностей, неспособность к созидательному труду) той или иной этнической или религиозной группы как таковой;

– утверждения о моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы;

– упоминание этнической или религиозной группы или ее представителей как таковых в уничижительном или оскорбительном контексте;

– цитирование без должного комментария соответствующих высказываний и текстов;

– обвинение группы в попытках захвата власти или в территориальной экспансии (в буквальном смысле, в отличие от призывов не допустить закрепления в регионе);

– отрицание гражданства, то есть упоминание граждан нетитульного этноса как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации, языка или религии.

Мягкий Язык Вражды является правомерным Языком Вражды, который **должен быть защищен от ограничений** в соответствии со статьей 19 МПГПП, но тем не менее вызывает озабоченность с точки зрения нетерпимости и дискриминации и заслуживает критического реагирования со стороны государства.

Итак, мы видим, что определенные виды Языка Вражды могут быть использованы для совершения преступлений, предусмотренных, в частности, статьей 174 УК РК («Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни») и 256 УК РК («Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению

акта терроризма»). В подавляющем числе случаев указанные преступления совершаются вербальным способом – путем распространения письменных и устных текстов, а также путем публичных выступлений.

МЕХАНИЗМ ВОЗБУЖДЕНИЯ ВРАЖДЫ

Общеизвестно, что язык является мощным средством воздействия на сознание людей. Возбуждение розни (вражды) в сознании читателя (слушателя) к человеку на основе его принадлежности специальной группе представляет собой процесс воздействия, который как любой процесс воздействия проходит несколько этапов. Прежде чем рассмотреть этот процесс, уясним, как рассматриваются в научной литературе понятия ненависти и вражды (розни). В языковой системе слова *рознь*, *ненависть* и *вражда* являются синонимами. Как любые другие синонимы, они имеют семантические различия. Ненависть является психологическим состоянием, чувством (то есть исключительно внутренней эмоцией), причем чувством сильнейшей неприязни. Вражда обычно толкуется как объективированная форма ненависти, то есть как отношение, которое имеет внешние проявления (например, высказывание: *Соседи враждовали* предполагает наличие действий с обеих сторон). Рознь – это внешнее состояние, характеризующее взаимоотношения двух субъектов.

В законодательстве об экстремизме лексемы *ненависть*, *вражда* и *рознь* используются как синонимичные, тесно взаимосвязанные, однако между этими явлениями есть серьезное различие: ненависть – это психологическое состояние, вражда же – деятельность или готовность к деятельности.

Анализ текстов, рассмотренных на предмет реализации признаков экстремизма, показал, что важным этапом убеждающего воздействия в исследованных материалах является *возбуждение* психики адресата (реципиента). В правовом аспекте понятие «возбуждение» использовано в формулировках уголовного закона (возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни). В антиэкстремистском законодательстве используется понятие «разжигание», синонимичное понятию «возбуждение» (разжигание социальной, сословной розни (политический экстремизм); разжигание расовой, национальной и родовой розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию (национальный экстремизм); разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан (религиозный

экстремизм).

Возбуждение как тип речевого воздействия описывается семантической формулой: «Говорю тебе X, чтобы ты почувствовал пробуждение/усиление чувства/состояния P». По В.П. Шейнову, любой процесс убеждения (воздействия), в том числе возбуждение и побуждение (через призывы), протекает по следующей схеме: **внимание** → **интерес** → **желание действовать** (3, стр. 59).

Рассмотрим на обыденном примере, как реализуется этот процесс. На собрании жильцов многоквартирного дома выступает председатель КСК: «Подъездные козырьки протекают, во время дождей вода затекает на домофонную проводку, будет замыкание. Вентили в элеваторе ветхие, сорвет в любой момент, зальет подвал, их надо менять. Крыша протекает, заливает квартиры, электрощитки в подъездах нужно чинить. В целом все это приведет к тому, что по всему дому и в каждой квартире появится сырость, плесень, велика опасность пожара. В целом нужно повышать тариф на содержание дома, чтобы делать ремонт, менять в подвале оборудование. В ближайшее время нам нужно сделать следующее». Вначале **внимание** слушающих привлекается той частью выступления, где формулируется тема, описывается сложившаяся проблема. Чтобы сформировать у слушателей **интерес** к теме, выступающий увязывает обсуждаемую проблему с каждым жильцом и домом, то есть доказывает, что сложившаяся ситуация может напрямую задеть каждого жильца, повлиять на условия его жизни и жизнь членов его семьи. Когда слушатель заинтересован в решении проблемы, говорящий предлагает путь решения этой проблемы, утверждает и обосновывает необходимость действий. Таким образом у адресата речи формируется **желание действовать**.

26 |

Эта схема процесса убеждения позволяет увидеть процесс возбуждения как этап воздействия, находящийся в середине логической схемы убеждения, между статичным информированием и динамичным побуждением. Первый этап убеждения – рациональное разъяснение, ориентированное на осмысление адресатом проблемы, ее причин и следствий. Финальный этап убеждающего экстремистского текста – побуждение к активности в определенном направлении и призыв к конкретному действию. Связующим звеном между формированием идеологии и провокацией к поступку является фаза перестройки психики со статичного состояния на динамичное, с пассивного на активное. Именно этим целям и служит возбуждающий текст (фрагмент текста).

Российский лингвист М.А. Осадчий эту общую схему процесса речевого убеждения переводит на язык терминов вербального экстремизма

следующим образом: стадия привлечения внимания будет соответствовать *констатации фактов (информированию)*, когда текст еще не приобретает того отрицательного эмоционального заряда, каким он наделяется по ходу развития. Стадия формирования интереса соответствует *возбуждению ненависти*, когда в тексте уже вырисовывается негативный образ объекта характеристики, а у читателя формируется в отношении него личная негативная установка. Возникновение желания соотносится с косвенным призывом, выраженным в *обосновании и/или утверждении необходимости действий*, когда перед читателем рисуется ясная программа действий. Данную модель М.А. Осадчий соотносит с моделью вербализации мысли, предложенной в работе российских экспертов О. В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой, Т.Н. Секераж (4), которые выделяют три стадии вербализации осмысления объекта речи в экстремистских материалах: стадия информирования о предмете речи, стадия оценки предмета речи и стадия планирования действий в отношении предмета речи (5, стр. 146-147).

Таким образом, явление *возбуждения ненависти и вражды*, если брать его без стадии информирования, раскладывается на две стадии, включающие акт формирования негативной установки в отношении объекта речи и акт косвенного призыва к действиям в отношении этого же объекта речи. Тогда о возбуждении ненависти можно говорить как о такой стадии коммуникации, когда создается отрицательный образ объекта речи (самой социальной группы), в результате чего в сознании читателя по отношению к этому объекту формируется негативная установка. При этом *возбуждением вражды* является стадия косвенного или скрытого призыва к действиям в отношении объекта характеристики, выраженного в обосновании и/или утверждении необходимости действий (см. схему М.А. Осадчего).

внимание	интерес	провокационный барьер	желание действовать
информирование	возбуждение ненависти		косвенный призыв
возбуждение вражды			

При переходе от стадии к стадии сгущается степень призывности текста. Так, на стадии информирования адресат только вникает в ситуацию, не относит эту информацию к себе лично и не видит в ней существенной для себя проблемы; стадия возбуждения ненависти уже заряжает адресата негативным настроением; на стадии возбуждения вражды объекту вражды приписывается прямая опасность для адресата речи,

который осознает необходимость действовать.

Таким образом, *возбуждение ненависти* отличается от *возбуждения вражды (розни)* наличием в последнем побуждающего, призывного компонента. Говорить о возбуждении ненависти можно лишь до тех пор, пока текст по своему эмоциональному накалу не преодолел **провокационный барьера** – предела, за которым начинается ярко выраженное подстрекательство к действиям в форме косвенного призыва. Можно сказать, что ненависть представляет собой начальную стадию вражды, в то время как вражда (рознь) – ненависть, проявленная физически.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ И ОБРАЗ ВРАГА

Чтобы говорить о том, что при помощи определенных высказываний возбуждается вражда, необходимо, чтобы в них языковыми средствами формировался образ врага. «Образ врага – создающееся в спорном речевом произведении негативное представление о ком-либо, как правило, о группе лиц, которые объединены по какому-либо признаку (расовому, национальному, социальному и т.п.). Образ врага создается как оппозиция двух групп «свои» и «чужие».

28 |

Как правило, образ врага создается на фоне так называемой «теории заговора» (К. Поппер), в которой какой-либо группе людей приписываются сознательные волевые действия, которые направлены на достижение преимуществ и благ для своей группы в ущерб всем иным группам лиц. Наиболее ярко теория заговора реализуется в идеях антисемитизма, согласно которым евреи – нация, которая стремится к мировому господству любыми средствами и способами. В данном случае «чужие» – это агрессоры, а «свои» – жертвы.

Менее идеологизированные способы создания данного образа сводятся к идеям:

- чуждости характера, культуры и т.п. группы «чужие» (в данном случае реализуется идея «чистоты» группы «свои»);
- порочности и низменности национального характера или национальных черт группы «чужие» (в данном случае «свои» исключительно моральны и праведны по природе);
- вырождения (дегенерации) или изначальной природной неполноценности «чужих» (в данном случае «свои» по природе или в силу активных действий превосходят «чужих» по каким-то параметрам).

Часто данные идеи облекаются в научную форму, что затрудняет экспертное исследование и требует привлечения специалистов из иных областей знания (политологов, социологов)» (6, стр. 55).

В речевом произведении образ врага создается через систему негативных представлений о какой-либо социальной структуре: этнической, религиозной или социальной группе. Если речевое произведение своим содержанием и смысловой направленностью формирует негативную установку в отношении определенной этнической, конфессиональной или социальной группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них, то такое коммуникативное намерение определяется как возбуждение соответственно национальной, религиозной и социальной вражды или розни (14, с. 15). Такая установка в точной формулировке И.Эренбурга была дана советским пропагандистам в борьбе против немецко-фашистских захватчиков: «Мы должны неустанно видеть перед собой облик гитлеровца: это та мишень, в которую нужно стрелять без промаха, это — олицетворение ненавистного нам. Наш долг — разжигать ненависть к злу и укреплять жажду прекрасного, доброго, справедливого» (7).

Образы «врагов народа» сопровождали всю советскую историю, обосновывая красный и белый террор, репрессии, идеологические погромы, милитаризацию жизни и экономики, и персонифицировались прежде всего в образах нэпмана, кулака, «вредителя», «мировых буржуев», «диверсантов», «космополитов» и тунядцев. В наши дни спектр предложения на рынке враждебности постоянно расширяется: олигархи, «лица кавказской национальности», «мафия», исламисты, коммунисты, либералы и т.д.

В лингвистической экспертиологии определены содержательно-смысловые характеристики информации (высказываний), которая при наличии коммуникативной установки, формируя образ врага, может разжечь ненависть к определенным социальным группам и стать возбуждающей.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЯЗЫКА ВРАЖДЫ

Ответственность за определенные виды экстремистской речевой деятельности предусмотрена ст.ст. 161 («Пропаганда или публичные призывы к развязыванию агрессивной войны»), 174 («Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни»), 179 («Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан»), 256 («Пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма») УК РК.

Диспозиции указанных статей, предусматривающих ответственность за пропаганду и публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, не содержат дефиниций *пропаганды, призыва и*

экстремистской деятельности, что усложняет идентификацию типа коммуникативного события, составляющего объективную сторону преступления. Жанр призыва уже имеет свою историю научно-лингвистического изучения, и лингвистическая идентификация жанра этого коммуникативного события не является сложной. В случае со статьей 174 проблема решается довольно сложно. На современном этапе не представляется возможным прямо соотнести с диспозицией данной статьи набор конкретных коммуникативных актов или жанров: коммуникативный акт (жанр) возбуждения лингвистически не идентифицирован и, соответственно, не изучен. В каждом конкретном случае при решении экспертной задачи необходимо устанавливать соотношение между наблюдаемым коммуникативным событием и понятием ненависти и вражды (5, стр.124-125).

Актуальным для решения данной проблемы является понятие «экстремистские материалы», данное в ст. 1 закона РК «О противодействии экстремизму»: «7) экстремистские материалы — любые предназначенные для обнародования или распространения *документы либо информация на иных носителях*, призывающие к осуществлению экстремистских действий либо обосновывающие или оправдывающие необходимость их совершения». В этом определении отличительными признаками понятия «экстремистские материалы» являются: 1) наличие к осуществлению экстремистских действий; 2) или наличие обоснования / оправдания необходимости совершения экстремистских действий. Таким образом, такой признак экстремистских речевых действий, как «возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни» объединяет в себе все случаи побуждения к действиям или оправдания действий, направленных против человека в связи с его расовой, национальной, родовой, религиозной или социальной принадлежности. В этом плане данная дефиниция соотносится с содержанием п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: «Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц». Приведенные официальные разъяснения российского правоприменителя (при отсутствии разъяснений казахстанского правоприменителя) помогают определить в общем виде понятие *возбуждающей информации* как такой информации, в которой выражаются обоснование и (или) утверждение необходимости совершения специальных действий (геноцид,

массовые репрессии, депортация, применение насилия, совершение противоправных действий) в отношении перечисленных объектов утверждаемых/ обосновываемых действий.

Рассмотрение дел, возбужденных по указанным выше четырем статьям уголовного закона, в подавляющем большинстве случаев связано с проведением судебной лингвистической (в Государственном реестре методик судебно-экспертных исследований РК – психолого-филологической) экспертизы. Целью лингвистического исследования информационных материалов по делам о преступлении, предусмотренном ст. 174 УК РК, является выявление признаков *словесного экстремизма* (то есть деяния, которое совершается на почве национальной, религиозной и иной вражды в процессе речевой коммуникации в словесной (текстовой) форме (8, стр. 7-20).

Для оценки спорных информационных материалов в первую очередь должны быть использованы специальные знания такой науки, как лингвистика (филология). Материалы, представленные на такое исследование, имеют вербальную (словесную) форму, устную и письменную, то есть объектом экспертного исследования выступает продукт речевой деятельности. «Юридическая квалификация речевых действий как противоправных должна основываться на оценке содержания спорных материалов. Исследование речевой деятельности и установление смыслового содержания текста являются традиционными задачами лингвистического исследования и относятся к компетенции лингвистической экспертизы.

Продукты речевой деятельности, являющиеся объектом экспертизы, оцениваются с точки зрения наличия в них признаков запрещенной законом пропагандистской речевой деятельности. Ключевым для юридической оценки является установление идейно-смысловой направленности исследуемых высказываний. Поскольку единственным источником доказательства целевой направленности (или целевой установки) текста служит его содержание, постольку исследование информационных материалов относится к компетенции лингвистов, владеющих методами анализа риторических приемов убеждающего воздействия» (9, стр. 80–81). Лингвист обнаруживает в тексте коммуникативное намерение автора, общую направленность произведения, дает оценку специальным речевым средствам (в том числе манипулятивным), использованным при создании экстремистского текста для достижения определенного эффекта.

В научно-методической литературе по теории и методологии судебной экспертизы устанавливается следующее (*выделено нами.* – РК.): «Выявление смысловой направленности высказываний, разоблачение

скрытых **приемов и способов пропаганды** национальной, религиозной розни и вражды является центральным звеном в установлении противоправности совершаемых деяний. Сложность возникает в правовой квалификации публичных высказываний и текстов СМИ в качестве экстремистских высказываний. Это объясняется тем, что толкование и интерпретация смысла высказываний **требуют привлечения специальных лингвистических познаний** не только в случаях использования специальных манипулятивных приемов речевого воздействия на аудиторию или камуфляжа ксенофобных высказываний средствами изоощренной словесной эквилибристики, но и **для выявления пропаганды и агитации, призывов** к совершению тех или иных действий, угроз и подстрекательств, оправдания террористических актов и др.» (10, стр. 159).

Рассмотренное требование о субъекте экспертной оценки тех видов экстремистской деятельности, которые имеют вербальную (словесную) форму, очень часто нарушается при назначении и производстве психолого-филологической экспертизы.

Зачастую орган предварительного следствия вопрос об анализе содержательно-смысловой и формальной стороны продукта речевой деятельности, анализе языковых и речевых средств, использованных в качестве инструмента (орудия) преступления, необоснованно ставит на разрешение эксперту-политологу, а не филологу. Иначе говоря, следствие неверно определяет конкретный вид специальных знаний, необходимых для разрешения возникших вопросов. Как было указано выше, правовая оценка экстремистского речевого деяния зависит от содержания распространенной информации и невозможна без оценки содержания этой информации, установления смысловой направленности сообщения (его семантики и прагматики). Основным способом установления словесных конструкций и языковых единиц, подпадающих под признаки указанного правонарушения, является лингвистический (а не политологический) анализ содержательно-смысловой и формальной стороны речевого произведения.

Кроме того, представители органов следствия, можно сказать, функцию доказывания перекалывают на экспертов-политологов путем постановки перед ними вопросов, требующих правовой квалификации объективной стороны речевого деяния как состава правонарушения. Термин уголовного права «возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни (вражды)» содержит квалификацию правонарушения (или иначе – коммуникативных событий, речевых актов) с учетом его объективной и субъективной стороны. С объективной стороны состав подобного преступления состоит в оказании активного воздействия на людей с помощью

слов, документов, лозунгов и плакатов, иных информационных материалов с целью побуждения их к совершению определенных действий. С субъективной стороны преступление совершается с прямым умыслом (лицо осознает характер и направленность своего речевого поведения и желает действовать именно таким образом). Указание в законе на определенную направленность действий обвиняемого (*действия-высказывания, направленные на... возбуждение... розни*) предполагает установление в тексте наличия прямого умысла. Фактически за этими вопросами стоят следующие вопросы: «Хотел ли говорящий разжечь (возбудить) социальную рознь, произнося высказывание X»? «Хотел ли говорящий своим высказыванием оскорбить национальную честь и достоинство граждан?» и т.д. Поэтому очевидна неправомерность постановки подобных вопросов специалистам (экспертам), поскольку умысел устанавливается с учетом всех имеющихся по делу доказательств и, следовательно, его решение является исключительным правом субъекта доказывания. Поэтому недопустимо ставить на разрешение эксперта вопрос об установлении в тексте признаков состава правонарушения, в частности, наличия или отсутствия в тексте «признаков возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды»; «признаков оскорбления национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан» и т.п., отвечая на который, эксперт выходит за пределы своей компетенции. Понятно, что такая ошибка производится неправильной постановкой вопроса, который должен определять предмет экспертизы и область специальных знаний, необходимых для его решения. При постановке правовых вопросов эксперты (руководитель органа судебной экспертизы) должны формулировать отказ по причине того, что вопросы находятся за пределами их компетенции, либо вопросы должны быть откорректированы следователем по инициативе эксперта, однако этого в рассматриваемых случаях не происходит. Это порождает сомнения в компетентности эксперта-политолога, непонимании им пределов компетенции судебного эксперта и своей компетенции в частности.

В результате подобных ошибочных подходов к производству экспертизы эксперт-политолог не справляется с поставленными экспертными задачами, не устанавливает и не исследует факты экстремистских речевых деяний. Такая картина наблюдалась в ходе предварительного следствия и суда по делу Елизаветы Дреничевой. Елизавета Дреничева, гражданка РФ, миссионер «Церкви объединения» за чтение лекций на религиозные темы (как указывается в приговоре суда, лекций о «Движении объединения», о Боге, о грехопадении человека, о совершенном человеке, «истинной семье» и «истинных родителях») в январе 2009 года Алмалинским районным судом г. Алматы была

признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.1 статьи 164 УК РК; ей было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года с его отбыванием в исправительной колонии общего режима. По делу было проведено несколько экспертиз, две из них – комплексные судебные психолого-филологические, с участием в каждой эксперта-политолога. Эксперты-филологи пришли к выводу об отсутствии в представленном на исследование материале возбуждения вражды, а политологи – о наличии пропаганды неполноценности граждан по родовому и сословному признаку. Данные выводы, во-первых, указывают на непонимание экспертами-политологами пределов их компетенции, поскольку содержат правовую оценку действий обвиняемой и не относятся вообще к компетенции судебной экспертизы. Во-вторых, установление пропаганды как вида побуждающей информации, как было рассмотрено выше, входит в компетенцию эксперта-филолога. То, что политолог занимается разрешением несвойственного ему вопроса, свидетельствует о том, что он не ориентируется в круге проблемных ситуаций, которые возможно разрешить, используя политологические знания. При отсутствии на тот момент в правовой литературе какой-либо дефиниции понятий «родовая принадлежность», «родовая вражда», «объект родовой вражды», «сословная принадлежность», «сословная вражда», «социальная группа», при очевидном отсутствии у экспертов-политологов специальных знаний в области общей теории судебной экспертизы и т.п., данные их выводы необходимо отнести к категории домыслов и додумываний (см. пример из судебной практики по делам о возбуждении родовой вражды: <http://www.zakon.kz/4507103-v-kyzylordinskojj-oblasti-sud.html>). В марте 2009 года Алматинский городской суд, рассмотрев апелляционную жалобу по делу миссионера Елизаветы Дреничевой, отменил приговор суда первой инстанции в части ее наказания и постановил взыскать с нее штраф в размере 25 МРП, оставив без изменения содержание обвинения.

Подобная картина наблюдалась и при экспертном исследовании политологом материалов выступлений Натальи Соколовой, юриста профсоюза нефтяников компании «Каражанбасмунайгаз», которая в августе 2011 года была приговорена к 6 годам лишения свободы за совершение преступлений по двум статьям УК РК, одно из которых – ст. 164 («Возбуждение социальной вражды»). В марте 2012 года мера наказания была изменена до трех лет условного наказания с лишением права заниматься общественной работой в течение трех лет. По выступлениям Н. Соколовой на профсоюзных собраниях были проведены две комплексные психолого-филологические экспертизы, в которых лингвистическим анализом опять же занялся политолог. ОФ «Әділ сөз» по запросу Казахстанского Международного бюро по

правам человека и соблюдению законности (МБПЧиСЗ) в лице приглашенных специалистов (доктора филологических наук, профессора Ли В.С. и кандидата филологических наук, доцента Карымсаковой Р.Д.) провел лингвистическое исследование 26 спорных высказываний Н. Соколовой, а также дал оценку официальных экспертиз. Анализ содержания части «V. Политологическое исследование» комплексной психолого-филологической экспертизы показал, что в нем полностью отсутствует исследовательская часть, то есть выводы эксперта-политолога об установленных им фактах не нашли своего исследования, обоснования и подтверждения, они не мотивированы и научно не обоснованы. Эксперт-политолог, выходя за пределы своей компетенции, дает заключение по вопросам, которые не могут быть разрешены на основе его специальных знаний, и решает экспертные задачи из другой области знаний, а именно: лингвистики. При этом сделанные политологом выводы опять же содержат правовую оценку речевых действий обвиняемой.

Лингвистический анализ, проведенный специалистами ОФ «Әділ сөз», показал, что в представленных на исследование высказываниях не содержатся признаки обоснования или оправдания необходимости враждебного, ненавистнического отношения к людям в связи с их социальной принадлежностью или необходимости осуществления агрессивных, насильственных, жестоких действий в отношении определенных социальных групп (в частности – по признаку их отношения к социальным группам «работники»/«работодатели»). Приведем в качестве примера несколько спорных высказываний Соколовой: *«Вы знаете прекрасно, что оператору 4 разряда ЦППД по жировкам Узеня начисляется 330 000 тенге, в то время как оператор нашего 5 разряда получает 143 000 тенге. Это огромный разрыв. Есть законные основания выразить эти требования»; «Я абсолютно серьезно говорю: вы одинаковые работники в отрасли, так же как узеньцы, а разрыв в заработных платах...»; «Надо бороться за свои деньги, за свое надо бороться. Почему наши не могут премиальные получать по 70% ежемесячно?».*

Мы видим, что в них отсутствует Язык Вражды и не создается образ врага. Если эти и другие 23 высказывания обвиняемой соотнести с этапами механизма возбуждения вражды, то увидим, что они соотносятся со стадией информирования; стадия формирования интереса не преследует цели создать негативный образ работодателя (в высказываниях отсутствует лексика вражды по отношению к такой социальной группе). Этап «желание действовать» не принимает форму и вид стадии возбуждения вражды. Общая же смысловая направленность представленных на исследование высказываний Н. Соколовой заключается

в информировании работников месторождения «Каражанбасмунай» о ситуации в сфере оплаты их труда, которую она считает достоверной, об обстоятельствах трудового спора, привлечение их внимания к этой ситуации, побуждение их к определенным действиям, которые могли бы, по ее мнению, способствовать решению этой экономической проблемы, улучшить их материальное положение.

Проблема диагностики текстов на предмет выявления признаков словесного экстремизма остается нерешенной и в настоящее время, порождая неоднозначную судебную практику.

В ноябре 2016 года суд №2 г. Атырау вынес приговор Максу Бокаеву и Талгату Аяну, организаторам митингов по земельным вопросам, согласно которому они были осуждены на пять лет лишения свободы с запретом заниматься общественной деятельностью в течение трех лет с отбыванием наказания в колонии общего режима. Суд признал Бокаева и Аяна виновными по трем статьям УК РК, в числе которых – ст.174 ч. 2, «Возбуждение социальной розни». По делу было проведено несколько комплексных психолого-филологических экспертиз, в которых эксперты-политологи отвечали на правовые вопросы (напр.: *Содержатся ли в представленных на исследование материалах высказывания побудительного характера либо призывы, направленные на возбуждение родовой, социальной, национальной или сословной розни, оскорбление национальной чести и достоинства граждан, либо пропагандирующие исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их сословной, национальной или родовой принадлежности?*), решали экспертные задачи, не соответствующие компетенции судебного эксперта-политолога (как было отмечено выше, установление наличия/отсутствия побудительных речевых актов, в том числе призыва и пропаганды, относится к компетенции эксперта-филолога).

По поручению ОФ «Әділ сөз» два лингвистических исследования информационных материалов по делу М. Бокаева было проведено филологом Карымсаковой Р. Д. (второе исследование – совместно с политологом Р. Жумалы, который дал необходимые разъяснения о содержании терминов «власть», «политическая критика» и др.). На исследование были представлены скриншоты текстов, отображающие материал с личной страницы пользователя «Макс Бокаев» (www.facebook.com.max.bokaev), компакт-диски DVD-R с аудио-видеоматериалами (в том числе видеоролик митинга, аудиозапись телефонных разговоров М. Бокаева), стенограмма выступлений М. Бокаева на митинге 24 апреля 2016 года и др.

Было исследовано смысловое содержание и смысловая направлен-

ность 70 текстов, размещенных на странице М. Бокаева в социальной сети Фейсбук. По своему содержанию эти публикации подразделяются на следующие тематические группы: 1) поправки в Земельный кодекс; 2) организация митинга-концерта 21 мая и 24 апреля; 3) экологические проблемы региона; 4) вопросы образования; 5) проблемы города Атырау; 6) проблемы правозащитной деятельности, участие в НПМ; 7) этнополитические конфликты и другие глобальные политические проблемы, состояние казахстанской армии, выборы в местные органы власти и др. Содержательный анализ выступлений М. Бокаева на митинге 24 апреля 2016 года показывает, что смысловая направленность его высказываний заключается в информировании слушающих о позиции протестующих относительно поправок в Земельный кодекс, в предложении участникам митинга проявить свою гражданскую позицию по этому актуальному для страны событию, в побуждении участников митинга соблюдать правила проведения митинга и т.д.

Для обоснования наличия в высказывании признака возбуждения (разжигания) ненависти, вражды необходимо доказать, что анализируемый фрагмент является таким высказыванием, задачей которого является обоснование враждебного отношения к указанной в законе группе. Для этого нужно, чтобы:

- говорящий выразил мнение о наличии у представителей какой-либо группы негативных моральных качеств, отрицательных свойств, пороков, постоянно проявляемых в их поведении, конкретных действиях;
- говорящий обосновал свое мнение такими суждениями (фактами, фактоидами, то есть частично истинными сведениями), которые подтверждают справедливость, правильность проявления неприязненного, нетерпимого отношения ко всем представителям этой группы (21, стр. 44–45).

Во всех представленных на исследование специалиста спорных информационных материалах по делу М. Бокаева отсутствуют признаки обоснования или оправдания необходимости враждебного, ненавистнического отношения к людям, выделяемым по признаку социальной принадлежности; обоснование или оправдание необходимости агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его социальной принадлежностью.

Примечательно одно обстоятельство. Лингвистическое исследование информационных материалов по делу М. Бокаева было проведено и по запросу стороны защиты российским специалистом, доктором филологических наук, профессором кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского Университета дружбы

народов Трофимовой Галиной Николаевной, действительным членом Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). Исследование Трофимовой Г.Н. также не выявило признаков словесного экстремизма в представленных на исследование материалах.

Особую тревогу вызывают отдельные приговоры судов по делам о возбуждении религиозной вражды, рассмотренные в 2015–2017 годах. Исследование религиозного текста в рамках лингвистической (психолого-филологической) экспертизы как разновидности конфликтотенного текста представляет собой наиболее проблемную зону исследования ввиду специфики содержательно-смыслового плана, прагматики текста, требует качественного экспертного анализа.

По данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры, с 2015 по 2017 годы по статьям 174 и 256 УК РК осудили 205 человек, из них 69 человек по 174 статье, 136 – по 256 статье. Анализ спорных информационных материалов (в основном печатных и устных текстов) по некоторым из этих дел неизбежно подводит к сугубо нелингвистическим вопросам: должны ли подвергаться уголовному преследованию верующие, проповедующие такое направление в исламе, как салафизм? Является ли салафизм запрещенным течением в Казахстане? Может ли запрет информационных материалов относиться к целому религиозному течению (учению)? (Как известно, в Казахстане официально признаются ислам ханафитского направления и православное христианство).

Вопросы не праздные, поскольку, как косвенно вытекает из содержания обвинительных актов, психолого-филологических и религиоведческих экспертиз, возбуждение религиозной розни определяется не по содержательно-смысловой направленности информационного материала, а, предположительно, по приверженности обвиняемых указанному религиозному течению в исламе. Однако приверженность крайним взглядам и убеждениям не означает возбуждение вражды. Как было отмечено выше, важный признак словесного экстремизма (в том числе и религиозного) – это обязательная связь этих взглядов и убеждений с пропагандой враждебного и ненавистнического отношения к представителям какой-либо религиозной группы, с агитацией за применение физического насилия к представителям такой группы или их уничтожение.

Такая целевая установка отсутствует, например, в спорных информационных материалах по делу Куаныша Башпаева, выпускника факуль-

тета хадиса Исламского университета Медины (Саудовская Аравия), который в апреле 2017 года судом г. Павлодара был приговорен к 4,5 годам лишения свободы за возбуждение религиозной вражды (ст. 164 УК в старой редакции). В основу обвинения легли две проведенные в процессе предварительного следствия экспертизы (№ 2615 от 15.04.2016 и № 381 от 20.06.16), в которых судебные эксперты дали правовую квалификацию спорных материалов, утверждая, что в них имеются признаки возбуждения религиозной розни, оскорбление религиозных чувств граждан, пропаганда исключительности, превосходства и неполноценности граждан по признаку их отношения к религии.

Проведенное нами по поручению ОФ «Әділ сөз» исследование содержания и смысла восьми спорных текстов (следствие условно назвало их лекциями) показало следующее. Смысловая (целевая) направленность этих текстов заключается в информировании адресата:

- в вопросе запрета выходить вперед Аллаха и Его Посланника;
- о назначении Сунны как второго после Корана образца и руководства для всего мусульманского мира;
- об особенностях религиозных воззрений ашаритов и матрудитов, которые приводят к расхождениям с определенными постулатами веры, к их искажению;
- о нарушении мусульманами такого предписания ислама, как вера в Аллаха (единобожие);
- о содержании шахады, ее разъяснении с различных сторон;
- о различных аспектах первых двух столпов ислама – шахады и намаза, их разъяснении;
- о различных содержательных аспектах понятия «иман (вера)», их разъяснение.

Кроме того, целевая направленность текстов выражается:

- в побуждении адресата строго придерживаться Корана и Сунны, следовать их предписаниям, руководствоваться ими в своем повседневном поведении;
- в воздействии на адресата с целью предостережения его от возможного нарушения постулата веры и тем самым его укрепления; с целью наставления в вере, предостережения от совершения действий, про-

тиворечащих первому и второму предписаниям ислама.

Например, в своем тексте под условным названием «О, мусульманин, оставь празднование Нового года!» К. Башпаев, обращаясь к верующим-мусульманам, разъясняет, почему их обращение с поклонением, просьбами к Деду Морозу является нарушением первого предписания ислама (требование соблюдать строгое единобожие) и в чем проявляются последствия этого нарушения. В качестве подтверждения наличия такого догмата автор текста цитирует аяты Корана, в которых излагается суть этого предписания (изречения приводятся на арабском языке с их переводом на русский язык). (Кстати, 23 ноября 2015 года в российский федеральный закон от 25 июля 2002 года N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» была внесена поправка в статью 3: «Статья 3 (1) Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов: Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами»). Лингвистический анализ текста и спорного его фрагмента показывает, что в этом фрагменте отсутствуют побудительные речевые акты (как прямые, так и косвенные), призывающие к агрессии и физическому насилию против многобожников (как это утверждается в экспертизе). В предложениях отсутствуют скрытые смыслы, спорная часть фразы имеет одно смысловое значение и не допускает иного толкования. Смысловая направленность текста «О, мусульманин, оставь празднование Нового года!» заключается в информировании адресата о нарушении мусульманами такого предписания ислама, как вера в Аллаха (единобожие), и воздействии на него с целью предостережения адресата от возможного нарушения этого постулата и тем самым его укрепления и в целом – с целью защиты истинных ценностей ислама.

В целом содержание и смысловая направленность текстов К. Башпаева показывает, что его деятельность по распространению содержащейся в них информации в определенной степени сходна с проповедничеством как распространением вероучительных и религиозно-нравственных идей распространяемого религиозного течения (традиционного ислама, «чистой веры»). Провозглашение исключительной истинности проповедуемой религии священнослужителями и верующими является неотъемлемой составляющей идеологии любой конфессии. В связи с этим В.А. Мишланов отмечает: «Проблема квалификации текстов церковно-религиозного дискурса осложняется тем, что пропаганда какого-либо вероучения как единственно верного (т.е. пропаганда исключительности его адептов) есть необходимый компонент идеологической (пасторской, проповеднической) деятельности

священнослужителя, его профессиональный долг, но, по сути, такая пропаганда является в то же время пропагандой неполноценности представителей другого вероучения (или другого варианта основного вероучения – ереси, секты)» (12, стр. 62–69). Учитывая этот фактор, ученые предлагают говорить о реализации в религиозных текстах пропаганды исключительности в правовом понимании посредством речевого агрессивного манипулирования, созданием образа врага в лице иноверцев. В отношении врага, который может быть представлен определенной национальной, религиозной группой или отдельными лицами как членами этой группы, должна (может) формироваться негативная установка, подстрекающая к ограничению их прав или к насильственным, физическим действиям против них. Именно этот признак возбуждения вражды является квалифицирующим признаком преступления, ответственность за которое предусмотрена в ст. 174 УК РК, и именно этот признак не присутствует в смысловой направленности информационных материалов по делу К. Башпаева. В целом аналогичная картина наблюдается и по делу Наримана Сейтжанова, которого привлекли к уголовной ответственности по той же статье УК РК, приговорив в июне 2017 года к пяти годам лишения свободы.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ КАК КОНФЛИКТОГЕН

В ходе мониторинга по данному проекту были выделены тексты (высказывания), в которых по-разному проявляется Язык Вражды. Отрадно одно: в них отсутствует жесткий Язык Вражды. Проведем лингвистический анализ следующего текста.

А вообще, Хэллоуин – абсолютно наш праздник. У нас ведь все немного магическое. Бросил парень – идем к гадалке. Украли зеркала на машине – кто-то порчу навел. Неурожайный год – режем барана. Не можем выплатить кредит – надо подымить адыраспаном.

Или переход казахского алфавита на латиницу. Ну абсолютно классная, правильная, прикольная идея же. Но стоит только к этому прикоснуться нашим «специалистам» – и хорошая задумка по мановению магической палочки тут же превращается в нечитабельное говно с апострофами. Колдовство какое-то.

А значительная часть наших политиков и чиновников – волшебники. Ни дня не работая в бизнесе, они смогли стать обладателями лондонских квартир, дорогостоящих машин и часов элитных марок.

Такой уж мы магический народ. Будем надеяться, что и с казахской экономикой произойдет настоящее чудо! (Ержан Рашев).

Текст (пост, сообщение) создан в жанре комментария, с помощью ко-

того автор выражает отношение к определенным, уже известным аудитории событиям, явлениям, дает им оценку. Основная идея текста – «казахи – магический народ»/ «казахи верят в магию» (**магия** – по суеверным представлениям: совокупность приемов (действий и слов), имеющих чудодейственную силу, при помощи которой можно воздействовать на людей и явления природы). Автор текста идентифицирует себя с народом (этносом), при помощи местоимений *мы, наш, у нас, нашим*, личных форм глагола *идем, режем, не можем* включает себя в число его представителей. Текст имеет ироническую тональность: объяснение всех удач и неудач соплеменников в разных ситуациях через обращение к магии содержит тонкую насмешку.

В структуре текста сообщения необходимо выделить следующий его фрагмент (микротекст), который может получить у адресата специфическую интерпретацию ввиду своей конфликтности: *Или переход казахского алфавита на латиницу. Ну абсолютно классная, правильная, прикольная идея же. Но стоит только к этому прикоснуться нашим «специалистам» – и хорошая задумка по мановению магической палочки тут же превращается в нечитательное говно с апострофами. Колдовство какое-то.*

42 |

Тема текста – «предложенная латиница как нечто нечитательное», то есть тема сообщения является потенциально конфликтной. Конфликтность темы сообщения отражена в конфликтной фразе: *Но стоит только к этому прикоснуться нашим «специалистам» – и хорошая задумка по мановению магической палочки тут же превращается в нечитательное говно с апострофами*, содержание которой сводится к выражению негативной оценки, предложенной специалистами латиницы без ее раскрытия, обоснования. Важным признаком конфликтной фразы является использование в ней языка вражды, а именно, оборота **нечитательное говно с апострофами**.

Обозначение предложенного алфавита казахского языка как языка этноса лексемой *говно* как грубопросторечного слова даже в его переносном значении (как «нечто отвратительное, скверное, гадкое») будет ассоциироваться с экскрементами человека или животного. Вполне предсказуемо, что такое словесное средство с резко негативным оценочным модусом представителем этноса может восприниматься как обидное или оскорбительное и трактоваться как оскорбление его национальной чести и достоинства (ст. 174 УК РК).

«Национальная честь – морально-нравственная оценка достоинств народа (этноса), которая базируется на общественном признании роли в многонациональном сообществе того или иного народа, его заслуг в историческом процессе, культурном развитии сообщества. **К**

наиболее оберегаемым атрибутом национальной чести относится родной язык (*выделено нами. – Р.К.*). Национальная честь служит особой формой отражения народом (этносом) своей самобытности, поэтому он при контактах с другими народами через свою национальную честь служит сильным побудительным мотивом к дальнейшему самоутверждению народа, наращиванию его потенциала» (11, стр. 98).

В правовой литературе дается следующее разъяснение: «оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан заключается в действиях, направленных на унижение чести и достоинства указанной категории лиц, выраженных в *неприличной форме*, которые совершаются с целью принизить национальные святыни, образ жизни, уклад, историю развития отдельных рас, национальностей или народностей (Комментарий к УК РК (Особенная часть) /под ред. И. Борчашвили, 2012). Дифференцирующим признаком такого деяния выступает *неприличная форма* выражения, под которой в лингвистике подразумевается обценная (матерная) лексика, грубопросторечные слова и выражения, а также слова и словосочетания, выражающие непристойные смыслы. Для обоснования наличия в высказывании оскорбления национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан необходимо доказать, что анализируемый текст содержит указанные разряды лексики, используемые для характеристики граждан по признаку их отношения к религии, национальной принадлежности. В этом случае эксперту-лингвисту необходимо исследовать, как было указано выше, целевую направленность высказывания на предмет содержания в нем признаков унижения достоинства человека либо группы лиц по признаку национальности при помощи оскорблений, затрагивающих национальные чувства. Эксперт (специалист) разрешает следующий вопрос: содержатся ли в представленных на исследование материалах унижительные или оскорбительные характеристики лиц, выделяемых по признаку национальности? Анализ смысловой направленности данного текста показывает, что в нем не содержатся обозначенные характеристики лиц; в тексте дается позитивная оценка перехода казахского алфавита на латиницу и обобщенная негативная оценка свойств и качеств предложенного варианта латиницы, правда, без обоснования высказанного мнения.

В заключение, несмотря на своеобразное оправдание использования инвективной лексики в рассмотренном сообщении, трудно обойтись без напоминания: культура речевого поведения человека, особенно в условиях массовой коммуникации, предполагает недопустимость использования ненормативной (бранной) лексики (прошу прощения за примеры – падла, говно, засранец и т.п.) в публичном употреблении.

НАШИ РЕКОМЕНДАЦИИ

Вопросы назначения и производства экспертизы по уголовным делам, в том числе и по делам о преступлениях экстремистской направленности, регулируются УПК РК. Однако очевидно, что представителям органов следствия могут помочь разработанные для них методические рекомендации, в которых бы разъяснялись проблемные вопросы назначения филологической экспертизы. В этих рекомендациях, **во-первых**, могло быть рассмотрено, в каких случаях и с какой целью может назначаться эта экспертиза. (Ответим – в необходимых случаях для определения целевой (смысловой) направленности информационных материалов, то есть не во всех случаях. Смысловое содержание многих высказываний, по которым назначаются экспертизы, просто и ясно, лежит на поверхности, поэтому значительная часть лингвистических экспертиз посвящена доказательству очевидного (например, требование научного исследования глаголов «бей», «убивай» во фразах: Бей хача!, Убивай хача! и т.п.). В других случаях требуется глубоко профессиональная работа эксперта, когда смысл текста постигается тщательной аналитической работой, извлекается из контекста и подтекста, каскадов намеков и вопросов, разоблачением изоциренных стилистических приемов манипулирования сознанием респондентов).

Во-вторых, методические рекомендации могут освещать условия привлечения к производству экспертизы наряду с обязательным участием лингвиста специалистов других областей знания. Распространение соответствующих действительности фактических сведений (например, таких, которые негативно характеризуют представителей национальных, расовых, религиозных и иных социальных групп) само по себе не может быть противоправным, поэтому для решения вопроса об истинности или ложности содержащихся в материале фактов, а также для получения необходимых разъяснений о содержании специальных терминов и выражений терминологического характера к исследованию могут привлекаться специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.) и назначаться производство комплексной экспертизы. В рекомендациях могут быть приведены типовые вопросы, предназначенные для иных специалистов, участвующих в производстве комплексной экспертизы наряду с лингвистами (приведем как пример некоторые из таких вопросов: соответствуют ли данным науки (истории, религиоведения, антропологии, генетики и др.) приведенные в публикации фактические сведения о том, что...*(приводится текстовой фрагмент)*?; Согласуются ли утверждения и выводы, сделанные автором публикации ...*(приводится исследуемый текстовой фрагмент)*).

мент), с какой-либо принятой в соответствующей науке точкой зрения?). (9, стр. 99)

В-третьих, в предлагаемых методических рекомендациях могут быть приведены юридически корректные формулировки вопросов для экспертного исследования информационных материалов лингвистами, предлагаемые в российских методиках. Как было указано выше, при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности перед экспертом постоянно ставятся не входящие в его компетенцию правовые вопросы, касающиеся квалификации деяния. В частности, перед экспертами ставятся вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды и т.п. Уже только на этом основании заключение эксперта может быть оспорено в суде и признано недопустимым доказательством.

В своей экспертной деятельности для установления научно-обоснованных фактических данных, обладающих доказательственным значением, лингвист должен руководствоваться специализированной экспертной методикой, содержащей объективные, надежные и апробированные методы лингвистического анализа, обеспечивающие достоверность, надежность, воспроизводимость (повторяемость) получаемых выводов, их точность и обоснованность. Необходимо признать, что на сегодняшний день методика судебной психолого-филологической (лингвистической) экспертизы по делам о словесном экстремизме, полностью отвечающей указанным требованиям, до настоящего времени не разработана. На сегодняшний день действующей является «Методика по производству психолого-филологической экспертизы (на предмет провоцирования этнической, расовой, религиозной и иной неприязни, позволяющей давать правовую оценку публичным высказываниям и материалам средств массовой информации)» (2008 года). Несмотря на многочисленный авторский коллектив, в числе которых и автор данной статьи, эта методика несовершенна, требует коренной переработки с учетом последних научно-практических достижений в области лингвистической экспертологии. Экспертная методика не должна представлять собой учебное пособие, состоящее в основном из научно-теоретических сведений, выражающих базовые положения филологии, религиоведения, психологии и других социогуманитарных наук, а должна содержать описание системы методов, приемов и средств, предназначенных для изучения объектов экспертизы с целью решения экспертных задач. Из описанной ситуации следует, что неотложной задачей органов судебной экспертизы, Министерства юстиции является качественная разработка такой экспертной методики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. – М.: РОО «Центр «Панорама», 2002.
2. Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбужден Ии национальной, расовой или религиозной вражды: методические рекомендации [Институт укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ. Документ №27-19 от 29 июня 1999 г.]
3. Шейнов В.П. Риторика. – Минск: Амалфея, 2000.
4. Кукушкина О.В. Сафонова Ю. А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / О.В. Кукушкина, Ю.А.Сафонова, Т.Н. Секераж . – М.: РФЦСЭ, 2011.
5. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
6. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. – М: Книжный дом «Либерком», 2013. – 200с.
7. Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Великой Отечественной войны // История. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1997. № 19
8. Галяшина Е.И. Лингвистика vs против экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. – М.: Юридический Мир, 2006.
9. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание) / С. А. Кузнецов, С. М. Олейников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом В. Ема, 2014.
10. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие /Под ред. д.ю.н., проф. Россинской Е. Р. – М, 2006.
11. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – 3-е изд. – М.: Флинта, 2003.

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕДИА: АНАЛИЗ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В КАЗАХСТАНСКОЙ БЛОГОСФЕРЕ

■ ЖУЛДЫЗ СМАГУЛОВА, ДИНА КУЧЕРБАЕВА, АИДА ЖУМЫРОВА

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье анализируется дискурс казахстанской блогосферы с целью выявления наличия/отсутствия языка вражды в постах о языках и определения представлений о языковой идентичности путем выделения типичных нарративов. Работа основывается на положениях теории социального конструктивизма. С точки зрения этого подхода реальность социально конструируется в процессе общения людей друг с другом, дискурсивно. «Язык реализует мир в двойном смысле слова: он его постигает и он его производит. Общение представляет собой актуализацию этой эффективности языка в ситуациях лицом к лицу индивидуального существования. Иными словами, люди постоянно производят свой социальный мир не только благодаря своим действиям, но и благодаря языку; сама «проговоренность» делает реальность, поскольку то, что не проговаривалось, не существует» (Бергер и Лукман, 1995: 104).

Дискурс охватывает все формы общения. Более того, дискурс определяет реальность, поскольку образ мышления людей и интеракция – это не просто отражение мира, идентичностей и социальных отношений, а их активное конструирование, воспроизводство и трансформация. Дискурс можно определить как «институциональный способ говорения, который регулирует и усиливает действие» (Link, 1983: 60). Как правильно обобщает Плотникова (2014:42), «совместно конструируемая жизнь является одновременно и совместно конструируемым дискурсом – непосредственным существованием в дискурсе в конкретный момент времени». В процессе дискурсивного конструирования реальность актуализируется: «переводится из состояния невидимости в состояние видимости, при этом дискурс становится само собой разумеющейся, непосредственной реальностью для человека. Конструирование мира осуществляется при помощи когнитивных сценариев действий и дискурса: человек имеет знание того, как действовать и как говорить в конкретной ситуации общения» (Плотникова, 2014: 42).. Таким образом, анализ дискурса связан не только с ретроспективным анализом распределения значений, но и с анализом продолжающегося производства реальности посредством дискурса.

СМИ-ДИСКУРС И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Культурный феномен влияния постмодернизма, который отрицает объективную связь между означающим и означаемым, особенно ярко проявляется в СМИ. Согласно этой концепции объективной реальности не существует, как и не существует внешнего опыта за исключением самого процесса индикации, так как каждый опыт и каждая реальность являются всего лишь результатом семантического дискурса (Drozd, 2016). Мы наблюдаем, как СМИ помимо передачи сведений о происходящих событиях в мире все больше и больше способствуют созданию «медийной» реальности. Медийный язык становится инструментом игры и субъективности, а являясь своеобразной игрой смыслов, не влечет за собой какой-либо ответственности.

А это, в свою очередь замечает Drozd (2016), приводит к притуплению чувства реальности до такой степени, что «четкое разграничение между повседневной реальностью и медийной реальностью становится невозможным». Получатели медийной информации, например, теряют критерии, в соответствии с которыми они дифференцируют реальную вражду и ее изображение в СМИ. Реальность все чаще и чаще оценивается вместе с мысленными образами, возникшими в результате освещения этих событий в СМИ. Именно поэтому анализ медийного дискурса особенно актуален.

48

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа дискурса казахстанской блогосферы были отобраны посты популярных блогеров, опубликованные в период с мая по октябрь 2017 года в социальной сети Фейсбук. Популярность блогеров была определена количеством публикаций за данный период, а также количеством «лайков» и комментариев от других пользователей социальной сети в адрес того или иного поста. Таким образом, итого было отобрано 94 публикаций на казахском языке и 37 на русском. В связи с тем, что целью данной работы является выявления наличия/отсутствия языка вражды в постах о языках, объектом исследования являлись лишь публикации, имеющие прямое или косвенное отношение к вопросу языка. Поэтому были выбраны публикации, в которых эксплицитно упоминалось слова «язык», «казахский», «русский». 32 публикации на казахском языке упоминали эти слова, в то время как на русском языке их количество составило 17. Ниже представлена обобщенная информация по количеству публикаций на казахском и русском языках в процентном соотношении.

Таблица 1. Материал исследования. Количество публикаций о языке

Из общего количества постов на казахском языке	Из общего количества постов на русском языке
34% (32)	50% (17)

Далее, публикации о языке были проанализированы на предмет наличия языка вражды и его степени враждебности, а также был проведен дискурсивный анализ с целью выявления типичных нарративов языковой идентичности.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты исследования показали: языка вражды по отношению к представителям иных этнических групп в постах, упоминающих язык, практически нет. Исключениями являются два примера, в которых звучит обвинение «других» в негативном влиянии на казахстанское общество и в создании негативного образа казахов.

Пример 1

«Ватниктерге ең керегі өздері Қазақ тілінде сөйлемейі емес, қазақтардың Қазақша сөйлеп ойлап кетпейі».

«То что нужно ватникам это не то, чтобы они не говорили на казахском языке, а то, чтобы казахи не думали и не говорили на казахском языке».

Интересно, что в данном примере обвинения завуалированы; не совсем ясно, кого автор имеет в виду под «ватником». Тем более что в собранном материале был один пост, где говорилось, что у ватника нет национальности.

Пример 2

«Вы почему-то думаете что «русские» и «ватники» это одно и то же. У ваты нет национальности. Среди казахов и др. национальностей хватает своих ватоголовых. Речь идёт, конечно же, не о нации. Не ошибайтесь так»

Такую же тенденцию можно отметить во втором примере, где обвинение выражено без указания конкретных лиц, а местоимением «они».

Пример 3

«Я не понял, а к чему этот акцент у водителя в ролике «Яндекс такси Казахстан»? Что они хотят сказать этим? Что в Казахстане люди так разговаривают? Мол, мы не умеем нормально выговаривать слова на русском языке?»

Таким образом, в нашем материале языка откровенного выражения вражды не обнаружено. В случаях высказывания недовольства «иными» объект вражды не конкретен.

Несмотря на отсутствие враждебности в отобранных постах этнических казахов в отношении представителей других этнических групп, в постах присутствует, что согласно шкале языка вражды, предложенной информационно-аналитическим центром «Сова» (www.sova-center.ru), выражение вражды с «мягкой» степенью жесткости в отношении казахов. В постах систематически воспроизводятся типичные нарративы, указывающие на внутриэтнический конфликт среди казахов и создающие негативный образ представителей своей же этнической группы. Все нарративы можно объединить в три обширные категории:

- 1) Lamenting – жалоба о судьбе и участи казахов.
- 2) Othering – «русскоязычные казахи» vs. «казахскоязычные казахи».
- 3) Defining – кто есть казахи?

Lamenting (от англ. – жалоба, плач)

50 | Для казахскоязычных постов характерна тенденция описания казахов как страдающего народа; можно сказать, что это «стандартное описание» казахскоязычного населения. К примеру, в публикациях многократно используются такие сочетания, как «*неткен бишара елміз*» (какой же мы несчастный, беспомощный народ), «*сорлы ел*» (несчастный народ), «*сорланып жүрген қазақ*», «*қорланып жүрген қазақ*» (какие же казахи несчастные, какая же страдающая нация), «*құл*» (раб), «*құлдықтағы сана*» (сознание рабов). Конечно, можно экстраполировать, что кто-то виноват в страданиях народа и в том, что казахи чьи-то рабы, однако прямых обвинений в постах нет. При этом у русскоязычных блогеров нарратив «жалеть себя» не замечен.

Othering (от англ. слова «other» – иной) – «русскоязычные казахи» vs. «казахскоязычные казахи»

Кроме того, важно отметить, что в публикациях часто используется коллективное значение «мы» для казахов, разговаривающих на казахском языке. По отношению к русскоговорящим казахам используется нарратив «othering» (иные). Другими словами, есть разделение на «мы» – говорящие на казахском языке и «они» – «шала-казахи», неумеющие говорить на родном языке. При этом прослеживается социальный конфликт, когда подразумевается, что стоящие у власти не знают и не хотят знать казахского языка. К примеру, присутствует критика по отношению к представителям власти и руководителям организаций, не владеющих казахским языком. «*Кейбір министрлер мен депутаттар қазақша сөйлей алмаса не дейсің? Олармен қазақша өзің*

де сөйлей алмайсың, себебі кейбіреулер қазақша мүлдем ұқпайды» (Что поделаешь, если некоторые министры и депутаты не могут говорить на казахском. Да и сам не сможешь поговорить с ними на казахском, так как некоторые из них вообще не понимают казахского языка). «*Министрлердің көбісі қазақша сөйлей алмайды*» (Большинство министров не умеют говорить на казахском). «*Ал басшылық құрамның 80 пайызы қазақ тілін білмейді*» (80 процентов руководителей не знают казахского языка). «*Өздері сияқты қазақ тілін білмейтіндерді «ұнаттады»*» (Им «нравятся» такие же, как и они, те, кто не владеет казахским языком).

В постах на русском языке подобные обвинения не одобряются. Например, реакцией на шумиху вокруг стюардессы, которая не обслужила турецкого пассажира на казахском, говорится: «*Всех нас опять хотят выставить как недалеких идиотов*», которые из-за какой-то ерунды готовы выглядеть как дикари. При этом, в постах на русском языке воспроизводится образ казахов как не очень грамотных, например: «*Вот вы попрекаете неграмотных узбеков, а в своем комментарии в шести предложениях пропустили десять запятых*». Часто можно увидеть упреки за ошибки на казахском языке.

Defining (от англ. «define» – определение) – идентификация

51

В постах на русском языке систематически воспроизводится нарратив об истинном казахе как о том, кто что-то делает для страны. Они противопоставляются «ура-патриотам», которые много критикуют, но ничего не делают. Например: «*Он не пишет: Жарайсын бауырым! Кандай комек керек? А под постом о теннисных кортах ему прям захотелось поумничать и покритиковать. В этом вся суть ура-патриотов!*» Таким образом происходит переопределение казаха как патриота, но не обязательно говорящего на казахском языке.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Жёсткого языка вражды в постах выявлено не было. Относительная нейтральность постов может быть связана с выборкой материала. Хорошо известно, что Фейсбук предпочитают представители среднего класса и среднего возраста. В силу своего социально-культурного статуса, достаточной осведомленности о политической ситуации в стране и знания свой аудитории, наши блогеры не склонны к открытому выражению вражды. Кроме того, в обществе существует идея «ownership» (права) на критику казахов: только говорящие на казахском языке имеют право критиковать казахов. Думается, что анализ комментариев в других социальных сетях может показать иную картину. Рекомендуется провести анализ более широкой выборки и проследить корреляцию между частотой и степенью использования

языка вражды и такими независимыми переменными, как язык поста и комментария, тема поста или публикации, источник, уровень формальности дискуссии, анонимность и др.

Несмотря на отсутствие прямой враждебности в постах этнических казахов в отношении представителей других этнических групп, нарастают систематическое воспроизводство типичных нарративов, отражающих внутриэтнический конфликт среди казахов. Как показывает опыт, крупные этнические конфликты, спровоцированные элитами, зачастую мотивированы внутриэтническими конфликтами (Fearon & Laitin, 2000: 845). Именно поэтому следует продолжать мониторинг дискурса конфликта среди казахов.

Причинами внутриэтнического конфликта является социально-экономическое расслоение в обществе. Однако, как и во многих других кейсах, язык становится основным индексом различия и приобретает политическую значимость. В социальных науках этническая и языковая идентичность понимаются как социальные конструкты, они являются продуктами современной политики, сложившимися в процессе колонизации и национального строительства. До появления современного национализма язык очень редко подчеркивался как фактор, от которого зависят престиж и власть группы. Такое понимание противопоставляется примордиальному, согласно которому идентичность является данной и фиксированной. Как показывает наш анализ, именно «повседневный примордиализм» остается доминирующим: многие по-прежнему считают, что каждый человек может (и должен) быть отнесен к конкретным, неизменяемым категориям, например, казах или русскоговорящий. В свете этого результата рекомендуется публикация в средствах массовой информации материалов, критически анализирующих доминирующие, воспринимаемые как должное представления о языке и этносе.

И наконец, принимая во внимание новые возможности электронных СМИ с их конструктивистскими принципами и инструментами для создания своего имиджа и «искусственных миров», надо четко осознавать, что они легко могут стать орудием манипуляции. Однако в то время, когда необходима работа по минимизации манипуляции общественным мнением, тем не менее не хотелось бы, чтобы такая работа вылилась в борьбу с инакомыслием и привела к ограничению свободы слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Медиум, 1995

Плотникова, С. (2014). Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие. *Известия ВГПУ*, стр. 41-46.

Drożdż, M. (2016). Hate Speech in Media Discourse. *Folia Litteraria Polonica* 5(35), pp. 19-30. <http://dx.doi.org/10.18778/1505-9057.35.02>

Fearon, J. and Laitin, D. (2000). Violence and the social construction of ethnic identity. *International Organization*, 54 (4), pp. 845-877. <https://doi.org/10.1162/002081800551398>

Link, J. (1983). *Elementare Literatur und Generative Diskursanalyse*. München: Fink Verlag.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ВРАЖДЫ НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ, ОСНОВАННЫЕ НА МОНИТОРИНГЕ ЛИДЕРОВ МНЕНИЙ 2017 ГОДА (публикуется в сокращении)

■ АЛМАГУЛЬ АЛТАЕВА

При выборке материалов мониторинга языка вражды в казахстанском сегменте Facebook в первую очередь мы обратили внимание на публикации, связанные с этнической и религиозной тематикой. Авторы публикаций во многих случаях используют язык вражды или языковую агрессию. Существует два вида языковой агрессии. С одной стороны, языковая агрессия служит передаче негативных эмоций и чувств. Такая агрессия обычно появляется как ответ на внешний раздражитель. С другой стороны – языковая агрессия может быть намеренной: адресант (говорящий/пишущий) специально наносит адресату коммуникативный вред (унижает, высмеивает) или в интересах словесной самообороны, использует «запрещенные» методы [2].

Таким образом, мы принимаем языковую агрессию как поведение говорящего человека под влиянием негативных эмоций с целью либо призвать адресата к агрессивному действию, либо выразить свой негатив в отношении адресата.

Адресатом, «виновным» в случаях проявления языковой агрессии, выступает «кто-то иной, чужой для группы, с которой соотносит себя говорящий. По результатам мониторинга можно заключить, что обычно языковая агрессия направлена в адрес следующих групп:

- власть, чиновники, бюрократы, руководители, то есть те, кто имеет определенные преимущества при потреблении жизненных ресурсов;
- этнические группы;
- представители других религий.

Оппозицию «свой – чужой» можно определить по категории уровня взаимодействия:

- родственные (свой – чужой родственник);
- этнический (свой – другой народ, другой этнос);
- языковой (родной язык – другой язык, диалект, говор);
- конфессиональный (свой – иноверец);
- социальный (свой – другое общество, коллектив) [3].

ЯЗЫК ВРАЖДЫ И ЭТНОСЫ

В социальных сетях и СМИ Казахстана большой объём информации на этническую тему. В одних случаях это дает положительный эффект, а в других — отрицательный. Статьи на этническую тему могут помочь повышению уровня толерантности. Информация, касающаяся твоего этноса, помогает пробудить самосознание народа, уважение к своему народу. Такие статьи могут публиковаться и в критической форме. Это помогает разрешать определенные проблемы и исправлять ошибки. В целом распространяемая информация в отношении этнической толерантности формирует основу межэтнического взаимодействия.

В других случаях тема может быть опасной: перечисляются недостатки определенного этноса, распространяются страх и негативное отношение к этносу [4, 400 с.]. Основным инструментом при распространении такой информации служат экспрессивные этнонимы, народные псевдонимы. Так определяется отношение говорящего к объекту. Например: иван, бурлак – «русский», фриц, ганс, колбасник – «немец», жид – «еврей» и т. д. Часть экспрессивных этнонимов даёт дискриминационные смыслы и обвиняя, унижая, демонстрирует ненависть к определённому этносу или части этого этноса. Для показа таких этнонимов в западной литературе используют термин «этнофолизм» [5, с. 60].

В ряде заинтересовавших нас в рамках мониторинга экспрессивных слов были именно этнофолизмы. Рассмотрим ряд примеров, обнаруженных нами.

Нәкеңнің Әдәгі (Адок Накена), Әдәктің үмметі (правительство Адока).

Нәкеңнің Әдәгі (Адок Накена) сказали что-то про кумыс и про казахскую еду :-) (Гитлер о казахах. youtube.com).

В казахском языке к именам прибавляется уменьшительно-ласкательное окончание, которое выполняет свою роль, подчеркивая почет, уважение (-ке, -қа, -еке). Иногда эти окончания не сочетаются, тогда опускаются последние звуки или несколько слогов. Когда к этим словам прибавляют вторую часть, то по смыслу она создает эффект издевки, добавляется экспрессивный оттенок. Например: Имекен покашлял и закатил глаза (С. Торайғыров) [6, сс. 55, 159]. Если к слову немец добавить усилительный оттенок, то получается наке, а если добавить издевку, то получится – *нәкең*. Таким образом, русский – *орекең*; русские – *орыстар* – *орекеңдер*, *өрекеңдер*. *Әдәк* значит имя Адольф: *Адольф* – *Әдеке* – *Әдәк*.

Словосочетание «Нәкеңнің Әдәгі» образуется из словосочетания

«немец Адольф», нетрудно понять, что «Әдектің үмметін» (правительство Адольфа). В одном из постов «**Әдектің үмметінің**» пользователь Канат Карабалаев пишет следующее: «Я поддерживаю Гитлера в одном. Он вымотал душу евреям. Но не всех уничтожил, а в другом не поддерживаю».

Умма, мусульмане – «люди, публика», – придерживающиеся проповеди одного пророка. Послы, пришедшие от Аллаха к людям, в определенное время управляли уммой. Казахский народ считает себя последователем «Раба Аллаха Мухаммеда» [7]. Автор высмеивает человека, который поддержал Гитлера – «признал фашиста, а его последователей назвал мусульманами Адольфа».

Кроме этого, в этом материале есть признаки вражды, направленной в адрес этноса, в виде оправдания нацизма: «Он вымотал душу еврейскому народу. Но не смог всех уничтожить, а остальное не поддерживаю».

Орекеңдер

Примеры из результатов мониторинга

«Русские хорошо знают нашу привычку порочить друг друга, подставляя друг другу подножку. В течение семидесяти лет, когда мы были в их колонии, хорошо эту нашу привычку против нас. Если казахи избавятся от этой привычки, то не будет сильнее нас народа. В любых трудностях надо быть вместе. Протянем руку слабым, будем рядом с теми, кому трудно. А тех, кто вредит нации, предателей, необходимо приговорить к смертной казни. Тогда мы можем стать народом, имеющим крепкую основу, которую не взять врагу. Не стоит идти на поводу провокации каждого прохожего, брата!» (Айгул Орынбек).

«Например, если к нам придет человек из другой страны, не важно кто он, через определенное время начнет нас всех критиковать, пусть будет оратором, ангелом, тогда бы мы, про себя радуясь, сказали: “Е что надо этому пришельцу? Если он такой крутой, то пусть в своей стране кричит». И украинцы такие» (Айдос Сарым).

В последнем предложении можно заметить утверждение о том, что определенный народ недолюбливает другой народ.

Еще один пример: Англичане: «Почему у нас нет антисемитизма, потому что мы не считаем себя хуже евреев. В таком случае ты мечтаешь, чтобы сын казахского народа стал холопом какому-то русскому? Не стыдно? Почему себя считаем хуже? Ужас!» (Расул Жумалы).

В этом контексте автор слово «холоп» использует в отношении казахского народа.

ВАТНИКИ

«Ватникам самое важное – не то, чтобы они сами заговорят на казахском, а то, чтобы казахи не стали говорить и думать на казахском языке» (Расул Жумалы).

Слово «ватник» используется в негативном понимании в первую очередь в адрес тех, кто поддерживает политику действующей российской власти, однако употребляется это слово и шире – в русофобском контексте: *«Кажется, 9 Мая в Алматы отмечается только для русских школ. С сегодняшнего дня они носят георгиевскую ленту! В целом, из-за разногласий в обществе относительно этого праздника, считаю, что необходимо это праздник убрать из списка государственных праздников (Токтар Жакаш. Со страницы Әмір Шыныбекұлы).*

«Для меня это хорошая тенденция: Недавний 80-летний юбилей Олжаса Сулейменова, где его поздравляли и награждали, осветили только русскоязычные СМИ. В казахскоязычном СМИ не было ни одной статьи, интервью, посвященного юбилею пророссийского, скучающего по Советскому Союзу поэта. По-моему, это хороший показатель пробуждения национального самосознания» (Расул Жумалы).

58 |

В этой ситуации говорится о планах одной нации против других: *«Да светится имя твое, в зимовке Кишибура живут более 3 тысяч человек, 800 семей. Около 80 процентов этих жителей – казахи, 13 процентов – уйгуры, и 11 процентов – китайцы. Молодой китаец, выросший в этом ауле, женился на своей невесте по казахским обрядам, сам он вырос в этом ауле, это дружный ауыл, где почитают традиции. На первый взгляд, все прекрасно, душа радуется. Однако, когда присмотрелась, заметили, что эти события имеют определенную подоплеку. Понятно, что таких подоплек много. Оказалось, что не зря проводили китайскую свадьбу по казахским традициям: это было организовано специально в рамках специально организованной правительственной кампании «Ұлттар ынтымағының берекелі шаңырағы» («Благодатная семья дружных народов»). (Әмір Шыныбекұлы).*

В этом отрывке автор «врага казахов» ищет среди китайцев: *Когда думаешь, что в Астане ходит знаменитый артист Джеки Чан, то на душе тепло становится, но когда думаешь, что корни Чана китайские, то сразу становится холодно (Әмір Шыныбекұлы).*

*«5 000 граждан Китая получили гражданство Казахстана». Эта информация датируется 2013 годом, **но страшно представить,***

как они размножаются...» (Өмір Шыныбекұлы).

«Цель проекта «Димаш» – **сближение казахской и китайской культуры»** (Өмір Шыныбекұлы).

«Пробежимся глазами: Для тех, кто говорит, что женщины и девушки соседней страны, носящие платья и штаны, лучше казахских девушек и женщин. Нельзя всех грести под одну гребенку, конечно. Однако в большинстве случаев, подпояска таких штанов слабоватая» (Мұхтар Тайжан).

Во многих случаях негатив формируется благодаря этническим стереотипам. В обществе сформирован этнокультурный стереотип, характеризующий определенный народ по культурным особенностям народа. Формированию таких стереотипов служат межкультурные и межнациональные контакты.

Межкультурным коммуникациям мешает то, что стереотипы основаны на полуправде и вымысле. В таких случаях стереотип искажает правду, неточно доносит информацию про тех, кто хочет осуществить межкультурный контакт: *«Эти узбеки, сравнивая с Каримовым, хвалят Мирзиеева. Знает Бог, когда-то Каримова сравнивали с Рашидовым и хвалили Каримова»*. Отрицательно прокомментированной информацией формируется искажённое мнение об узбекском народе.

В следующем отрывке можно заметить, что из-за высказываний Алмазбека Атамбаева во время выборов обвиняется целый кыргызский народ.

«Когда Атамбаев услышал, что Россия погасила долг Кыргызстана, заявил, что в корне кыргызы появились от Россиян. Вспомнил, что он енисейский россиянин :-» (Мухтар Тайжан).

В формировании стереотипов особое значение имеют эмоции. Поэтому стереотипам дают положительную или отрицательную оценку, хотя это зависит от характера и восприятия человека.

Проблема иностранных мигрантов одна из острых этнических проблем. В 2017 году в социальных сетях обсуждался конфликт между казахами и индусами в «Абу-Даби Плаза» в Астане. Приведем отрывки из таких записей:

*«Требую от депутатов РК! Пришло время ставить свои требования иностранным компаниям. Прошу строго закона иностранным гражданам! **Пришельцам**, которые работают в нашей стране, кроме закона, требую наложить большой налог! Только тогда будут защищаться права казахских граждан и улучшится социальное положение! Пусть приостанавливаются квоты на иностранных*

рабочих!» (Айгүл Орынбек).

Среди атрибутов национального достоинства особо защищается его язык. Одна из пользователей социальных сетей, ожидавшая разрешения конфликта, Айгүл Орынбек:

«В создаваемую комиссию включите общественных активистов, оу, власти! Члены комиссии должны знать казахский язык! Потому что в столкновении были одни казахоязычные, шымкентские джигиты! Если будете исказить слова джигитов, не понимая их язык, то в итоге это может превратиться в фильм ужасов «Кочевники». Кроме индусов, многие могут переехать. Вчера, когда разговаривали с охранниками, остановилась одна машина. Джигиты обрадовались, что приехали их поддержать. В машине сидели большие, как кабаны, казахские джигиты. В руках у них пиво. Когда те начали говорить: «Пацаны, как дела? Убейте их всех, как баранов!». Парень, который стоял рядом со мной и рассказывал, как все происходило, сказал: «Уйди, свинья! Не понимаю русский язык, и без того все кипит во мне». С джигитами с кипящей кровью говорите на их языке, оу, уважаемые власти! Пусть разговоры не закончатся словами: «ты – свинья, я – баран»!»

60

Как можно заключить, главный атрибут языка вражды, появившегося из-за столкновения, – язык, затем начинается формирование и распространение негативного мнения об этносе. Это доказывают такие слова – *свинья, баран*, – это зоосемантические метафоры. Зоосемантические метафоры, основываясь на названиях животных, описывают плохие качества человека с точки зрения говорящего. Используя зоосемантические метафоры, адресант может описать негативные стороны адресата в виде неприятия, обвинения, отращения.

С точки зрения лингвопрагматики и теории речевого акта, адресант тесно связывает свое психологическое состояние и состояние своего слушателя или читателя. Пропозиция высказывания изменяет его семантику. Прагматика определяет языковые знаки адресанта, взаимоотношения с адресатом. Отвечает на вопросы: почему говорит, зачем говорит, что хочет этим сказать. Языковая тактика автора, влияющего на огромное количество читателей, направлена на то, чтобы мотив высказывания соответствовал ментальным особенностям аудитории, её взглядам и мнениям. С этой точки зрения речевые сюжеты в большинстве случаев не имеют прямого отношения к ситуации, которая стала причиной появления языка вражды [5, с. 30]. *Глухая овца позже пугается! В ночь, когда это событие произошло, депутат Божко спал дома и чесал свою мопу, сегодня проснулся и что*

он *блеет*? (Айгүл Орынбек). Хотя автор и не знает, что делал депутат в момент, когда происходили события, но информация подаётся как факт и в этом отрывке автор для того, чтобы принизить субъект (депутата), приводит казахскую поговорку.

Для того, чтобы экспрессивно донести свое неприятие, гнев относительно субъекта, автор используя грубую лексику, пишет, что депутат «чесал свою мопу». Далее автор, желая повлиять на мнение читателя относительно личности субъекта использует риторические предложения. *Давайте почитаем: Если бы молодежь аула не поехала, была бы в это время Астана? Не ПОЛИТИКА ЛИ Главы государства перевести молодежь на север? Тогда что, Божко против политики президента? Неужели в Астану не поместится молодежь аула, когда там много пришельцев из других стран. Разве не еле как остановили то столкновение? Почему тогда бередят раны? Или хотят задеть достоинство молодежи и устроить бунт?*

В целом, по теории речевого акта, предложения с риторическими вопросами заставляют читателя не только обращать внимание на описываемую ситуацию, но призывают его разделить мнение автора в целях влияния [6, с. 31]. Как было сказано ранее, риторические предложения используются не в целях поиска ответа, а для того, чтобы обратить внимание читателя на мысль, которую хотел донести автор. Таким образом, автор хочет, чтобы читатель поддержал, разделил его мнение относительно субъекта.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ И РЕЛИГИЯ

В нашей полиэтнической стране мир и согласие, культурная и религиозная гармоничность в приоритете на государственном уровне. Несмотря на это, появление различных новых для Казахстана религиозных групп вызывает обострение языка вражды в социальных сетях. В частности, заметен язык вражды в адрес салафитов: *«Где вы видели, чтобы старики носили короткие штаны? Носить бороду до пояса не признак мусульманства. Где это написано в Коране? В чем тут различие? Кто в этом заинтересован? Это не наше. Это портит нашу традицию».*

(Президент сказал, что короткие штаны и черное одеяние чужды для казахов | Қазақ тіліндегі бет. nur.kz).

«В социальных сетях в связи с этим начали проявлять обеспокоенность. Главными двигателями двух революций Кыргызстана были маргиналы, которые не могли найти себя ни в ауле, ни в городе. Человек, который попробовал чуть изучить это, заметил бы, что распространяющая религию молодежь в основном работает на

базарах аула. Студенты всегда на виду у ректората, деканата. А молодежь базара, где продают рабов, у кого на виду?» (Айгүл Орынбек).

В данном контексте трудно определить фактичность высказывания. В своем обращении к властям Айгүл Орынбек требовала отстранить Мухамеджана Тазабекова от позиции ведущего передачи на национальном религиозном канале: «Теперь этого не еще хватало, Мухамеджана Тазабека, который делился постом скандального террориста, хотят сделать ведущим новой программы. Это правдивая информация? Вопрос к руководителю Национальной компании Ерлану Крину! КНБ, Министерство по делам религии, куда вы смотрите? Или вы не знаете, кто такой Мухамеджан Тазабеков? Он сейчас говорит, что ханафит и обманывает народ. На телеканале «Асыл арна» показали Дарын Мубарова, проповедника салафитов. На ютубе можно увидеть видео, где он и Мухамеджан Тазабеков сидят вместе.... Как власть может сделать такого человека, салафита ведущим религиозной программы? Теперь он через программу постарается набрать себе очки. Будет говорить и показывать, как он любит традиционный ислам, традиции своего народа. А молодежь ему верит. И считая, что он прав, будет следовать за ним. Так мы не победим салафитов. Таким образом, баранов пасет волк» (Айгүл Орынбек).

62 |

Разговор продолжается призывом к воздействию: Просила министра Даурена Абаева почистить экран. Определенное количество людей поддержало меня, а некоторые говорили: кто ты такая, чтобы идти против министра. Дорогие мои, Даурен-ага в первую очередь сын казахского народа, а потом министр. Как сестренка просила его почистить экран. Не считаю ошибкой то, что в интересах нации, попросила почистить экран. Я постоянно пишу про национальную идеологию. С тех пор было выявлено немало нарушений. Я думала, почему профессиональные журналисты не выходят в эфир. Когда почитала спор Рината Кертаева и Бибигул Даулетбеккызы, подумала: «Тут тоже процветает эпоха салафитов». Не может быть, чтобы их не было там, где выделяются большие государственные деньги. Профессиональные журналисты, где вы? Будете продолжать сидеть, когда ваш хлеб отбирают салафиты, певцы и артисты, порноактрисы. Говорите о бардаке экрана!» (Айгүл Орынбек).

В следующем сообщении язык вражды используется по отношению к православным христианам: «Если бы казахи так выходили, то их арестовали бы...» (Повод для высказывания – парад крестов в Петропавловске в день памяти святых Петра и Павла. Участники парада прошли от собора имени святых по улицам города).

Однако существует и отличный от агрессивного тип высказывания о религии. Так, на странице Жамбыла Артықбаева читаем пост под названием «*Нұрғұлдің намазы Назғұлдің гамажындай*» (Намаз Нургул как гамаж Назгуль). В комментариях к посту написали, что знают семьи, где ругаются друг с другом за неправильное прочтение намаза. Для того чтобы приблизить к себе читателя, автор вносит туда популярный анекдот.

Одна девушка знакомит своего парня с родителями: это мой парень. Он не пьет, не курит, по девушкам не ходит, музыку не слушает, не интересуется спортом...

– *Доченька, он дурак или салафит?* (Айдос Сарым).

Автор доносит свою мысль не всегда агрессивно, в данном случае мы видим иронию, высмеивание религиозного течения, что напрямую языком вражды не является или может быть отнесено к мягкому языку вражды.

ИТОГИ

Во время проведения мониторинга с мая по октябрь 2017 года, мы в первую очередь обращали внимание на мнения относительно проблем религии и этноса.

По результатам мониторинга можно сделать заключение, что лидеры мнений в казахскоязычной среде больше пишут на национальную тему, нежели на религиозную. Основные негативные нарративы следующие (в скобках указаны лидеры мнений – А.А.К.):

- формирование негативного мнения относительно этноса, расы (Расул Жумалы);
- обвинения в действиях в прошлом и настоящем определенного народа, религиозной группы (Расул Жумалы, Мухтар Тайжан);
- перенос характеристик с личности на социальную, этническую или религиозную группу (Мухтар Тайжан);
- теория заговора (Өмір Шыныбекұлы);
- требования освободить от занимаемой должности представителя определенного этноса (Айгул Орынбек).

Среди названных в итоге имен нет Айдоса Сарыма, поскольку он действует в основном на территории иронии и стереотипного юмора, что не может быть отнесено нами к прямому языку вражды.

Помимо стереотипов о других этносах среди казахов распространено обсуждение автостереотипов. В частности, поднимаются темы

трайбализма, разногласий из-за землячества, строительства памятников в регионах, многоженства, воровства невест и казахского характера.

ЛИТЕРАТУРА:

1 Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. – М., 2004.

2 Қорлау және жала жабу: сарапшының көзқарасы. – Алматы: «Әділ сөз», 2013. – 152 б.

3 Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. – М., 2000.

4 Қазақстан журналистерінің тәжірибесінен. – Алматы, 2008.

5 Қарымсақова Р. Ұлттыққа қатысты лақап аттың дау тудыру қаупі // Қорлау және жала жабу: сарапшының көзқарасы. – Алматы: «Әділ сөз», 2013. – 152 б.

6 Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі. Морфология. – Алматы: «Ана тілі», 1981. – 384 б.

64 | 7 <https://kk.m.wikipedia.org>

8 Қалиев Ғ., Болғанбаев Ә. Қазіргі қазақ тілінің лексикологиясы мен фразеологиясы. – Алматы: «Дәуір», 2003. – 242 б.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные итоги и рекомендации

- В исследованном нами сегменте публичного высказывания жёсткий язык вражды распространён мало. Основной тип – «мягкий». Однако следует заметить, что степень негатива (агрессии) нарастает в комментариях, даже если сам первоисточник использовал ироническую интонацию и не ставил перед собой явных провокативных целей. Эксперты рекомендуют задуматься над вопросом о проведении специальных тренингов для популярных авторов, чтобы они умели нейтрализовать на своих ветках токсичные обсуждения и направлять дискуссию в конструктивное русло.
- Основные негативные нарративы направлены в адрес граждан Китая, иностранных рабочих и практикующих мусульман. Именно они на данный момент являются основными объектами языка вражды в социальных сетях.
- В казахскоязычных публикациях этническая тематика выражена более явно, чем религиозная. В целом уровень ксенофобии в публикациях на казахском языке выше, чем в публикациях на русском.
- Мониторинг показал наличие внутриэтнического конфликта среди казахов, проходящего по линии основного используемого языка (русского или казахского). Данный конфликт легко может стать предметом и орудием манипуляции. Возникает необходимость обсуждения этого конфликта на общественном уровне. Обсуждение его на уровне законодательства видится экспертам нежелательным, поскольку может привести к запретительным мерам, что может не только не минимизировать проблему, но и привести к усилению конфронтации.
- Рекомендуется приложить усилия по профилактике и противодействию языку вражды в социальных сетях со стороны гражданских и неправительственных институций.
- Большой (и, возможно, основной) проблемой при рассмотрении судебных дел по статьям, связанным с использованием языка вражды, является порядок проведения судебной экспертизы. Привлекаемые к экспертизе специалисты не имеют необходимых компетенций для вынесения экспертного суждения. Данные официальной и независимой экспертиз часто разнятся именно по этой причине. На сегодняшний день методика судебной психолого-фи-

лологической (лингвистической) экспертизы по делам о словесном экстремизме не является достаточно точной и практически обоснованной. По мнению экспертов (в том числе принимавших участие в разработке действующей методики), она требует коренной переработки с учетом последних научно-практических достижений в области лингвистической экспертологии. Неотложной задачей органов судебной экспертизы Министерства юстиции является качественная разработка новой экспертной методики.

СПИСОК КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Ключевые слова на казахском языке

Аққұлақ, орыс онбаған, қара қытай, маңқа қазақ, сарт, қаңғыған сарт, келімсектер, қара қытай қаптаса, жөйт, фашист, ұлтшыл, нацист, сәләфит, салафит, қысқа балақ, қаба сақал, сақалы беліне түсетін, сәләф, кәпір, тексіз қазақ, орыстар кетсін, қытайлар кетсін, оңбаған өзбек, сығыр қазақ, сығыр қытай, қысық көз, қара көт, бетпақ қазақ, бетпақ орыс, иттің етін жеген кәрістер, бақа-шаян жеген қытайлар, негр, негретоз, қара бет, біздің жерімізді иеленіп жатыр, пәренжі кигендер, қазақша білу керек, өзбек, қытай, қазақша білу міндетті, бәрі қазақша сөйлесін, қаңғыған өзбек, сатқын қырғыз, сасық кәріс, қаңғыған қырғыз, өлермен, орлик, сатқын оралман, отанын сатқандар, қашқын оралман, жалқау қазақтар, пысықай оралман, моңғол, қалпақ, оңбаған қалпақ, түк көрмеген қалпақ, жыланның аяғын көрген, жұмыртқадан жүн қырыққан, қалмақ, тілсіз, дінсіз, тексіз, орысбай, қазақбай, орысқұл, құлдық сана, құлдар, мамбет, итжегендер, ұйғырстан, байқоңыр, қырым, серік қосу, ханзу, ханзу, секс, джихад, джихад, жиһад, ишим, игил, сыған, қайыршылар, тәжік.

Ключевые слова на русском языке

Уйгур, лагманщик, чечен, русские, жид, еврей, мамбет, борщи, негр, мянма, айконур, гептил, армян, муслим, христиане, католики, салаф, салафит, террорист, Шала, шала казах, нагыз, нацист, гитлер, хиджаб, Китай, узбек, ханьцы, вата, Крым, майдаун, майдан, майданутые, ширк, калбит, турки, пиндос, гейропа, казах, вайнах, пятая колонна, сепаратизм, сепаратист, джихад, секс-джихад.

БИОГРАФИИ АВТОРОВ

СЕРИК БЕЙСЕМБАЕВ

Руководитель программы внутривнутриполитических и социальных исследований Института мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента РК – Елбасы (Астана, Казахстан). PhD кандидат кафедры социологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Сооснователь PaperLab – исследовательской группы, специализирующейся на исследовании социальной политики. Имеет широкий опыт в области прикладной социологии. Среди тем, интересующих с целью исследования, формирование государственности, насильственный экстремизм и развитие молодежи в Казахстане.

Основные публикации:

«Religious extremism in Kazakhstan: between crime and Jihad», публикация по итогам научной стажировки в университете Дж.Вашингтона, 2016. Ссылка: <http://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2016/02/CAF-Paper-15-Serik-Beissembayev.pdf>

«Феномен казахского национализма в контексте современной политики: от отрицания к пониманию», публикация в рамках проекта для молодых исследователей в области публичной политики Фонда Сорос-Казахстан, 2015. Ссылка: http://ru.soros.kz/press_center/publications/kazakh_nationalism

«Общественно-политические сайты на казахском языке: текущее состояние и тенденции развития», публикация по итогам проекта при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта, 2013. Ссылка: <http://www.nomad.su/i2013/0710.pdf>

Тенденции социального и демографического развития казахстанского общества, журнал «Центральная Азия и Кавказ», 2010. Ссылка: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-sotsialno-demograficheskogo-razvitiya-kazahstanskogo-obschestva-na-baze-sotsiologicheskikh-issledovaniy>

РАХИЛЯ КАРЫМСАКОВА

Доктор филологических наук. Окончила дневное отделение филологического факультета КазГУ им. С.М. Кирова в 1972 г. Работала учителем, затем – вузовским преподавателем. С 1983 г. преподаёт в ААДИ, затем – с 1995 по 2012 гг. – в КазНУ им. аль-Фараби, с 2012 г. по настоящее время в университете «Туран» на кафедре журналистики и переводческого дела.

Автор более 100 статей в научно-методических журналах и других изданиях по вопросам контрастивной лингвистики, методики языка как второго/неродного, когнитивной лингвистики, лингвистической экспертиологии, лингвоконфликтологии. Из них более 40 статей посвящены проблемам судебной лингвистической экспертиологии.

70 | Автор и соавтор более девяти пособий, в том числе: «Казахский язык: страноведение через фразеологизмы» (победитель конкурса учебников фонда Сорос-Казахстан); «Қазақ тілі ресми қағаздар тілін оқыту» (учебное пособие); «Русский в учебно-профессиональной сфере: географический профиль»; «Русский язык для студентов-юристов»; «Сто ситуаций – сто консультаций. В помощь журналистам»; «Политкорректность в СМИ Казахстана: поиск гармонии»; «Лингвистическая экспертиза спорного текста»; «Освещай, но не разжигай»; «Оскорбление и клевета: взгляд эксперта».

ЖУЛДЫЗ СМАГУЛОВА

PhD (Королевский Колледж Лондона, Университет Лондона) – социолингвист. В сферу научных интересов входят следующие темы: языковая социализация детей в многоязычной среде, языковая идеология и языковое планирование, грамотность и образование, сохранение и смена языка, методика преподавания языков. Автор монографии «Language change in Central Asia» (в соавторстве с Elise Ahn, Berlin, Germany: Mouton de Gruyter, 2016), «Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане» (в соавторстве с Сулейменовой Э.Д., 2005), соавтор «Словаря социолингвистических терминов» (2008), «Словаря лингвистических терминов» (2015) и учебника казахского языка для школ с русским языком обучения (5 класс, Атамұра, 2015, в соавторстве с З. Ерназаровой и Г. Досмамбетовой). Автор более 20 научных статей, включая публикации в *Journal of Sociolinguistics*, *International Journal of Bilingualism*, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, *Journal of Multilingualism and Multicultural Development* и *Innovation: The European Journal of Social Science Research*.

Имеет более 25 лет педагогического стажа. Работала в Университете Миннесоты (США), Билкентском Университете (Турция), Казахском Национальном университете им. аль-Фараби (Казахстан). С 2002 г. преподает в Университете КИМЭП; декан Центра Языков.

ПУБЛИКАЦИИ

2016 E. Ahn, & J. Smagulova (Eds.). *Language change in Central Asia*. Berlin, Germany: Mouton de Gruyter. [In the Contributions to the Sociology of Language series edited by Joshua Fishman].

ISBN 978-1-61451-609-5

2015 (with Z. Yernazarova, D. Dosmambetova). *Казахский язык для учащихся общеобразовательных школ с русским языком обучения, 5 класс* [The Kazakh language for pupils of the Russian-medium schools, Grade 5]. Approved and recommended by the MOE RK. Almaty: Atamura. ISBN 978-601-306-141-2

2017 Ideologies of language revival: Kazakh as school talk. *International Journal of Bilingualism*. Special issue "Ideology, agency, and imagination in multilingual families" edited by K. King and E. Lanza. DOI: <https://doi.org/10.1177/13670069166849202015>

2015 Negotiating linguistic, cultural and social identities in the post-Soviet world by Sarah Smyth and Conny Opitz (editors), Bern and New York. *Journal of Multilingualism and Multicultural Development*, 36(3), 330-331. DOI: 10.1080/01434632.2014.914338.

Impact Factor: 1.536, Ranking: Linguistics 52 out of 181, 2016 Journal Citation Reports.

2014 Early language socialization and language shift: Kazakh as Baby Talk. *Journal of Sociolinguistics* 18 (3), 370-387. doi: 10.1111/josl.12078. (Citations: 3).

Impact Factor: 0.917, ISI Journal Citation Reports Ranking: 2014: 53/172 (Linguistics)

2008 Language policies of Kazakhization and their influence on language attitudes and use. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* 11 (3&4), 440 – 475. doi:10.2167/beb547.0 43 (citations: 43).

Impact Factor 1.027, Ranking: 43/171 (Linguistics), 70/224 (Education & Educational Research), 2015 Thomson Reuters, 2014 Journal Citation Reports.

72 | 2016 (with S. Bahry, S. Niyozov, D. Shamatov, E. Ahn) Bilingual education in Central Asia. In O. García et al. (eds.), *Bilingual and Multilingual Education, Encyclopedia of Language and Education, Encyclopaedia of Language and Education*, 3rd Ed. New York: Springer International Publishing. DOI 10.1007/978-3-319-02324-3_20-1. (citations: 16)

2016 (with Z. Yernazarova). Teaching Kazakh Literature in Kazakh to Russian Speakers: Symbolic Value or Effective Pedagogy? In Natasha Bakić-Mirić & Davron Gaipov (eds.). *Going Forward: Recent developments in higher education*, pp. 127-136. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. ISBN (10): 1-4438-9483-4.

ДИНА КУЧЕРБАЕВА

Преподаватель Языкового Центра Университета КИМЭП, г. Алматы. В 2015 году получила степень магистра наук по специальности «Прикладная лингвистика» в Эдинбургском университете, Великобритания; выпускница стипендиальной программы «Болашак». Научные интересы: теоретическая лингвистика, социолингвистика, языковой сдвиг. Является автором нескольких научных публикаций в области теоретической лингвистики.

ПУБЛИКАЦИИ

Кучербаева Д. (декабрь 2017 г.) Фонологические особенности аллофонии звука /l/ в преподавании английского языка. Инновационные технологии в современном образовании. Работа была представлена на заседании Третьей Международной Научной Интернет-Конференции, Технологический университет, Московская область, Россия и Колледжа Регионального развития, Чешская Республика 406-409. Москва: Научный Консультант.

Кучербаева Д. (апрель 2016 г.) Особенности восприятия языка двуязычными детьми с типичным развитием и одноязычными/двуязычными детьми с лингвистическим нарушением. Инновационные и приоритетные направления обучения гуманитарных дисциплин в технических университетах. Работа представлена на заседании Третьей Международной Научной Конференции, Университет Технологий, 237-245. Издательские Решения.

Кучербаева Д. (декабрь 2017 г.) Фонологические ограничения в возникновении аллофонов /l/ в английском языке. Инновационные технологии в современном образовании. Доклад представлен на заседании Четвертой Международной Научной Интернет-Конференции, Технологического университета, Московская область, Россия и Колледжа Регионального развития, Чешская Республика, 19-22. Москва: Научный Консультант.

АИДА ЖУМЫРОВА

Филолог, социоллингвист, переводчик. Закончила Казахский государственный университет иностранных языков и международных отношений по специальности учитель английского и французского языков. Проработала много лет в юридическом консалтинге, занимаясь редактированием, коррективкой и переводами текстов договоров и других документов. Затем продолжила образование в университете КИМЕП, где получила степень магистра по специальности «Преподавание английского языка носителям других языков», защитив диссертацию на тему: «Отношение к казахскому языку городских подростков казахской национальности». В данный момент работает переводчиком-синхронистом, а также внештатным преподавателем в вузах г. Алматы.

АЛМАГУЛЬ АЛТАЕВА

Филолог-казаховед, выпускница филологического факультета Казахского Национального университета им. аль-Фараби.

В 1998 г. поступила в аспирантуру филологической кафедры КазНУ им. аль-Фараби, в 2002 г. защитила кандидатскую диссертацию. Научный руководитель доктор филологических наук, профессор Р. С. Амир.

В 2001–2002 гг. преподавала на кафедре казахского языка и иностранных языков Казахской Национальной консерватории им. Курмангазы. В 2002–2009 гг. годах работала старшим преподавателем в Казахском государственном женском педагогическом университете, исполняла обязанности доцента. В 2006 г. была принята в докторантуру. В 2010 г. защитила докторскую диссертацию.

С 2010 г. доцент кафедры журналистики и переводческого дела университета «Туран».

Автор пособия «Қазіргі қазақ тілі» (2013), монографии «Шарт мәнді сөйлемнің танымдық және коммуникативтік әлеуеті» (2014). Более 70 научных статей опубликованы в Италии, России, Узбекистане и Кыргызстане.